

Дэвид М. БАРНЕТТ

ЗЕМЛЯ ВЫЗЫВАЕТ
МАЙОРА
ТОМА

Дэвид М. Барнетт
Земля вызывает майора Тома
Серия «Свет в океане»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41128962

Земля вызывает майора Тома:

ISBN 978-5-17-107323-7

Аннотация

Томас Мейджор – ученый-астроном и разочаровавшийся в людях человек. Единственное его желание – навсегда остаться в обществе самого себя. Именно поэтому он решает воспользоваться случайно подвернувшейся ему возможностью совершить одиночный полет на Марс.

Теперь его дом – небольшая космическая капсула, поддерживающая контакт с Землей в основном посредством однообразных разговоров с командным пунктом. Но однажды, набрав по спутниковому телефону номер бывшей жены, Томас попадает к совершенно другому человеку...

Так в его жизни появляется Глэдис Ормерод и ее внуки Элли и Джеймс – семья, чья судьба отныне будет неразрывно связана с Томасом, семья, которая поможет ему вновь обрести веру в себя и в людей...

«Земля вызывает майора Тома» – трогательная и жизнеутверждающая история о дружбе, любви и прощении.

Содержание

Часть I	5
1	5
2	11
3	20
4	28
5	36
6	42
7	61
8	67
9	74
10	85
11	91
12	99
13	106
14	113
15	122
16	127
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Дэвид М. Барнетт

Земля вызывает майора Тома

Посвящается Клэр, Чарли и Элис

*Когда моя голова в космосе – мои ноги стоят на
Земле, а сердце наполнено благодаря вам.
Памяти Малькольма Барнетта (1945–2016)*

*По мере того как мы начинаем понимать,
что Земля, по сути, представляет собой своего
рода пилотируемый корабль, несущийся сквозь
бесконечность космоса, нам все больше будет
казаться абсурдным, что мы не организовали
лучше жизнь человечества.*

Хьюберт Х. Хамфри, вице-президент США, 1966

*И всё опять прекрасно.
Джордж Формби*

© David M. Barnett, 2017

© Перевод. Н. Огиенко, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Часть I

1

11 февраля 1978 г

Много лет назад в кинотеатре, далеко-далеко от того места, где он находился сейчас, мальчик и его отец входят в темноту. Мальчик прижимает к груди упаковку конфеток «Ревелз» и маленький стакан попкорна, а отец твердой рукой, лежащей у него на плече, направляет его по проходу с липнущим к подошвам ковром. Фильм еще не начался, но лица сидящих уже обращены к рекламным анонсам, в отблесках бледного света. Завитки сигаретного дыма кружатся и переплетаются в черном пространстве между экраном и зрителями. От заполненных рядов доносится приглушенный гул перешептываний.

Томас Мейджор никогда еще не был так счастлив. Это его подарок на восьмой день рождения – поход в кинотеатр «Глендейл» на фильм, который он страстно желал посмотреть, как будто тот уже стал или даже всегда был частью его жизни, записанной в его ДНК. Дома, любовно размещенные на столе в его комнате, лежат подарки, полученные им на день рождения, что был месяц назад: игровой на-

бор «Бар Звездных войн» с подвижными фигурками пришельцев, Снэгглтуса и Хаммерхеда, которых можно было закреплять на маленьких вращавшихся подставках и крутить в разные стороны, заставляя их как будто сражаться; и еще запись музыки из этого фильма в исполнении Лондонского филармонического оркестра, аккуратно пристроенная рядом со старым маминым проигрывателем «Дансетт» и стопкой полученных от нее же старых пластинок.

А сейчас Томас и его отец пришли смотреть фильм. Тот самый фильм, открывавший уик-энд. Они отстояли в очереди, растянувшейся на квартал, чтобы попасть в этот старейший кинотеатр Кавершама и один из старейших в Рединге, и пока длилось ожидание, Томас спросил отца, хотел бы он полететь в космос.

– Готов поспорить, когда тебе будет столько лет, сколько мне сейчас, на Луне уже появятся города, – говорит отец. – Только это не для меня. Нет атмосферы. – Он громко хохочет и похлопывает Томаса по плечу. – А ты мог бы отправиться туда жить. Как в той песне: «Major Tom». Твоя мама была где-то на третьем месяце, когда вышла эта песня. Пожалуй, именно поэтому она решила назвать тебя Томасом. Сейчас она тоже примерно на этом же сроке. – Отец умолкает, потом смотрит на Томаса: – Черт побери! Этот «Фигаро» все еще держится на вершине хит-парада? Не хотелось бы мне выкрикивать это имя через калитку, чтобы позвать ребенка пить чай!

– «Space Oddity»¹, – рассеянно говорит Томас. – Она называлась не «Major Tom», а «Space Oddity».

Пока они стоят в очереди, чтобы попасть внутрь, мимо кинотеатра неторопливо проезжает бежевый автомобиль.

– Ты только посмотри – «Фольксваген-Дерби»! Вышел в прошлом году. Я и сам подумываю о таком. – Он толкает локтем Томаса: – Мы бы смотрелись крутыми парнями, раскатывая на такой машине, а?

Томас пожимает плечами. Его не слишком интересуют автомобили. Отец продолжает:

– Может быть, мы купим машину в этом году. Но хотелось бы еще сделать этим летом оранжерею. Дома с ней ценятся намного больше, вот так-то. И еще мы, наверное, могли бы переделать чердак в мансарду. На соседней улице дом с оранжереей и сделанной мансардой ушел в прошлом году почти за двадцать три тысячи, представляешь?

Еще день, но небо уже темно-синего цвета, и полная луна висит низко над горизонтом поверх черных крыш.

– Как монетка в десять пенсов, – говорит отец.

Томас закрывает один глаз и заключает диск луны между большим и указательным пальцем.

– Я поймал ее, папа! Я поймал луну!

– Положи ее себе в карман, сынок, – говорит отец. – Никогда не знаешь, когда это может тебе понадобиться. Пойдем, пойдем, наконец-то можно зайти внутрь.

¹ «Странный случай в космосе» (англ.) – песня Дэвида Боуи. (Примеч. ред.)

Томас кладет невидимую, невесомую десятипенсовую луну в нагрудный карман своей коричневой рубашки с широким воротом. Его желудок приятно отягощен съеденной на ланч котлетой «уимпи»², но в нем вполне еще найдется место для сладостей и лакомств. Отец, покачав головой и проворботав «куда же в тебя столько влезает», расплачивается в киоске.

Теперь отец ведет его к единственному свободному креслу в конце ряда, где на соседних местах сидят мужчина и женщина с тремя маленькими девочками. Томас чувствует, что внутри у него стягивается какой-то узел, что-то такое, чего он не может выразить. Он озадаченно смотрит на отца:

– Но там только одно место.

– Подожди здесь, – говорит отец и отправляется переговорить с женщиной, продающей мороженое.

Прическа у нее выглядит так, словно высечена из гранита, и лицо тоже под стать; она оборачивается к Томасу, и ее колючие глазки буравят его сквозь полумрак.

Отец вручает ей купюру в один фунт, и женщина дает ему два шоколадных мороженых. Она снова смотрит на Томаса, потом переводит взгляд на отца, тот кривит лицо и дает ей еще один фунт. Затем он направляется обратно к Томасу, и женщина следует за ним. Томас сидит, держа стакан с попкорном на коленях, а упаковку «Ревелз» в кармане. Отец су-

² *Уимпи* – котлета в обжаренной булочке. Такие котлеты продаются в одноименных закусочных «Уимпи». (Примеч. ред.)

ет ему в руки мороженое.

– Томас, сынок, – говорит он. – Твоему отцу нужно уйти по делу.

Томас смотрит на него и моргает.

– По какому делу? А как же фильм?

– Все в порядке. Это очень важно. Это... – отец смотрит на экран, словно ища там вдохновения. – Это сюрприз для мамы. – Он постукивает себя по одной стороне носа. – Наши мальчишеские тайны, договорились? Только между нами.

Томас тоже постукивает себя по носу, но без особой уверенности. Он чувствует, как в животе у него разверзается зияющая бездна. Отец говорит:

– А это Дейрдре. Она приглядит за тобой, пока я не вернусь.

Женщина презрительно смотрит на Томаса, и ее рот вытянут в тонкую бескровную ниточку, словно скульптор даже не пытался придать ему человеческий вид.

– А ты надолго? – спрашивает Томас, вдруг ощущая на своей спине всю тяжесть темноты кинотеатра и чувствуя себя очень одиноким.

– Ты даже оглянуться не успеешь, как я вернусь, – говорит отец и подмигивает.

Начинает играть музыка, и Томас обращает взгляд на экран, где появляются звезды и бегущие строки.

Идет гражданская война. Космические корабли повстанцев, нанося удары со своей тайной базы, одержали первую

победу над зловещей Галактической Империей.

Томас оборачивается, чтобы взглянуть на отца, но тот уже ушел.

Конура на высоте 22 000 миль

5 по горизонтали: Солнце на латыни, одно пережеванное, но печально исковерканное (8).

Томас Мейджор закрывает глаза в раздумье, и ему приходит в голову, что нет в мире ничего лучше тишины. Никаких автомобильных гудков, кричащих голосов, газующих машин, звонящих телефонов, сигналиющих мусоровозов, дающих задний ход.

Ничего.

Никакого дребезжания дверных звонков, никаких вибрирующих басов чужой отвратительной музыки, никаких хлопающих дверей и орущих телевизоров.

Только тишина.

Никакой пустой болтовни по радио, беспрестанного жужжания входящих сообщений, грохота сверления асфальта, уличных музыкантов, убивающих классические песни.

Ничего из того, что он мысленно классифицировал как «слуховые угрозы».

Томасу Мейджору всегда хотелось иметь свою конуру. И вот теперь, заключенный в свой кокон и изолированный от внешнего мира, так далеко от всех людей и их ненавистного шума, он постукивает кончиком карандаша по первой странице «Большого сборника действительно сложных

криптических кроссвордов Гардиан» и снова принимается размышлять. Постукивание карандаша – приятный звук, хороший аккомпанемент чистому умственному усилию. И это его звук, его шум.

Так же как и громкое прихлебывание, которое он производит, отпивая чай – горячий и чересчур сладкий. Рядом с ним нет никого, кто мог бы попенять ему на плохие манеры. И он будет громко прихлебывать, если ему так хочется. Томас булькает чаем во рту, пока он не остынет, а потом громко полощет им горло.

«Вот так-то», – проглотив чай, говорит он, ни к кому не обращаясь.

Всю свою жизнь Томас мечтал иметь собственное укрытие. Он завидовал людям, которые могли исчезнуть в глубине своего сада и отгородиться от всех и вся. И вот теперь, на свой сорок седьмой день рождения, он наконец был один, с полным правом шумно прихлебывать чай и проводить сколько угодно времени за разгадыванием кроссвордов. Он давно приберегал этот сборник с дьявольски сложными загадками. Томас снова постукивает карандашом по странице. Пережеванное?³ Но исковерканное? Печально исковерканное?

Поскольку Томас Мейджор может делать все, что ему заблагорассудится, ему приходит в голову, что было бы неплохо послушать музыку, чтобы лучше соображать. Хорошую

³ От англ. chew – жевать. (Примеч. ред.)

музыку, разумеется, а не тот «тынц-тынц-тынц», доносящийся из дорогих машин с распираемыми от высокомерия молодыми людьми за рулем. Он с удовольствием взял бы с собой всю свою коллекцию виниловых пластинок, но это было физически невозможно. Поэтому ему пришлось все оцифровать – каждую альбомную композицию, каждую «А» и «Б» сторону, каждую редкость, каждую гибкую пластинку, прилагавшуюся к нотному сборнику или музыкальному журналу. Все до единой записи. Так как сегодня его день рождения, Томас решает послушать что-нибудь воодушевляющее и приятное – например, «The Cure». Он включает компьютерный терминал – морщась от издаваемого им натужного гудения и жужжания – и выбирает «Disintegration». Великолепное возвращение к мрачному стилю, 1989 год. Начинается перемешивание треков, что Томасу совершенно не нравится – альбом нужно слушать в таком порядке, как было задумано группой – но пока ему не удалось выяснить, как отключить эту функцию. Первой начинает звучать песня «Homesick».

Томас издает хрюкающий звук, шумно выдыхает воздух через нос и криво улыбается.

Почти. Но не совсем.

Солнце на латыни – это, должно быть, Sol, разумеется. Одно пережеванное – число? Томас задумчиво покусывает кончик карандаша, пока не начинает играть следующая песня. Возможно, выглядывание в иллюминатор даст какой-то

толчок? Однако от этого лишь, как всегда, захватывает дух, и Томас думает о том, не надоест ли ему когда-нибудь этот вид, не станет ли он казаться ему обыденным и лишенным очарования. Томас всей душой надеется, что этого не произойдет. Потому что вот он здесь, совсем один со своим чаем, кроссвордом и музыкой, а где-то там, далеко снаружи, находятся все остальные.

Земля заполняет собой весь иллюминатор со стеклом толщиной в четыре дюйма: сине-зеленая, окутанная облаками и очень, очень красивая. Она такая большая, что, кажется, можно протянуть руку и коснуться ее. Томас находится на высокой околоземной орбите, на высоте 22 000 миль над поверхностью нашей планеты, и очень скоро ему предстоит полететь в пустоту, удаляясь от Земли со скоростью 26,5 километра в секунду. Тогда она уменьшится до ничтожных размеров, став лишь крапинкой на бархатном покрывале космоса. Томас закрывает глаза и слушает музыку, говоря себе, что, конечно же, он сделал правильный выбор, и это именно то, чего он хотел.

Мир Томаса представляет собой вытянутую шестиугольную камеру тридцать футов в длину, где на одном конце громоздится приборная панель, а на другом – большой люк, ведущий в переходной шлюз, за которым открывается огромная, бесконечная пустота.

Томас нечасто бывает на том конце капсулы.

Все пространство вдоль стен заполнено электроникой, хо-

тя Томасу известно предназначение меньше половины всего этого; за рядом дверей скрываются отсеки для хранения, наполненные разнообразной провизией – главным образом сухой, – предназначенной для поддержания его жизнедеятельности в течение полета; и есть еще беговая дорожка, к которой он пристегивается для тренировок, чтобы его мышцы окончательно не атрофировались.

Это во всех отношениях его дом. Здесь тоже есть свои рутинные дела, как и дома, но вместо того чтобы отправляться на работу, а по возвращении сидеть перед телевизором или слушать музыку, пока готовится ужин, Томас начинает свой день в застегнутом спальном мешке. Он пытался спать без каких-либо приспособлений, паря в невесомости, но тогда его просто присасывало к решетке вентиляционной системы. Затем он готовит себе завтрак – какую-нибудь безвкусную сухую еду или питательный фруктовый батончик, – а потом совершает гигиенические процедуры и пользуется туалетом, что всегда довольно забавно. Утро проходит за проверкой всех систем корабля, далее следуют физические упражнения, а потом ему полагается заниматься изучением списка задач, которые он должен выполнить, когда высадится на Марс, и главная из них – остаться в живых.

Музыка прерывается, и вместо нее раздается резкий, настойчивый, жужжащий звук. Томас отворачивается от иллюминатора и мира, отталкивается от стены и переплывает в невесомости к закрепленному на стене монитору, где висят

в воздухе его сборник кроссвордов и карандаш. На экране высвечивается «входящий вызов».

«Ну потрясающе», – произносит он шепотом, в то время как экран заполняется хаотичной мозаикой пикселей, превращающихся наконец в запаздывающее изображение людей в костюмах, собравшихся гурьбой перед бесконечными рядами компьютерных терминалов с сидящими за ними техническими специалистами.

– Земля вызывает майора Тома! – говорит человек, стоящий в центре этого сборища – высокий и худой, с зачесанными назад темными волосами. – Выходите к нам, майор Том!

Томас закрепляется перед монитором, и маленькое, размером с почтовую марку, изображение его головы появляется в нижнем углу экрана. Он бросает на него беглый взгляд и думает, не нужно ли было побриться; здесь ему приходится пользоваться только электробритвой, и он это терпеть не может. Внезапно Томас осознает, что, возможно, ему уже никогда в своей жизни не удастся насладиться влажным бритьем. Его каштановые волосы с проседью комично подняты, напоминая колеблющиеся в волнах водоросли.

– Привет, Земля. Это «Конурник-1», слышу вас отлично и четко.

От рядов технических сотрудников доносится одобрительный смех, правда, приглушенный, вежливый, по-британски сдержанный. Человек в костюме – директор Бауман – сердито смотрит на него через камеру.

– Вы так и будете называть «Арес-1» этим глупым наименованием, Томас?

– А вы так и будете говорить «Земля вызывает майора Тома» каждый день на протяжении следующих семи месяцев?

Волосы у директора Баумана слишком темные – видимо, он их красит. Кроме того, он никогда не появляется без галстука, и верхняя пуговица его рубашки всегда гордо застегнута. Томас с подозрением относится к людям, которые носят галстук на работу в наши дни. Это совершенно бессмысленно. Галстуки предназначены для похорон – в них у Томаса большой опыт – и свадеб, о которых ему довелось получить мимолетное представление. Рубашки Баумана всегда так тщательно отглажены, что, вероятно, он либо страдает обсессивно-компульсивным расстройством, либо держит жену прикованной к гладильной доске в подвале своего дома. Но что больше всего Томаса в нем раздражает – как он понял, – так это страсть директора Баумана к планшетам. Он никогда с ними не расстается. Вот и сейчас Бауман поглядывает на свой планшет, который держит в руках.

– Согласно нашей диагностике, все ваши системы функционируют нормально. Вы провели контроль работы оборудования на борту?

Томас отпихивает сборник кроссвордов, предательски парящий перед камерой, и бормочет что-то уклончивое. Бауман говорит:

– Ваш запуск прошел отлично, как вам известно, я пола-

гаю. Корабль готов к осуществлению перелета по гомановской траектории, двигатели работают на разгон. Вам предстоит дальняя дорога, Томас. Триста десять миллионов миль пути. НАСА предупреждает, что неподалеку от вас ожидается микрометеоритный дождь, но это не должно доставить вам никаких проблем.

Говорить о погоде, даже в космосе. Как это по-британски.

– Я так и знал, что мне нужно было прихватить с собой зонтик.

От рядов технических сотрудников снова доносится смех. Женщина, держащая свой айпад, словно ребенка, свободной рукой откидывает волосы.

– Мы записываем этот сеанс связи для СМИ. И как нам известно, сегодня у вас день рождения?..

Ее голос повышается с отвратительной волнообразной интонацией.

Это Клаудия, которая занимается связями с общественностью. Томас знает, что она его на дух не переносит после его выходки год назад. Клаудия загорелая и подтянутая, и ему кажется, будто она проводит все свободное время за каким-нибудь крайне эффективным занятием – например, сосредоточенно колотит боксерский мешок, представляя себе торчащие волосы и бледное лицо Томаса. Каждый раз, когда ему доводилось ее видеть, на ней была новая одежда, и она вкрадчиво сообщала всем вокруг название бренда или имя дизайнера, как будто это был пароль к ее более высокому и

дорого одетому миру.

– 11 января. Каждый год в один и тот же день. Не хотите ли вы сказать, что где-то здесь припасен для меня торт в тюбике? Может, он был бы получше, чем тот чай, который мне приходится пить. Слишком сладкий. И разумеется, не «Эрл Грей», как я просил.

Бауман шевелит бровями, словно говоря: «Ради бога, хватит быть таким сварливым занудой». Клаудия тыкает в свой айпад.

– У нас для вас особый гость, который хочет поговорить с вами, Томас...

Он открывает рот и снова закрывает его. В самом деле? Особый гость? Неужели она... неужели это Дженет?

134 футов над уровнем моря

«Это телефон бабушки», – кричит Джеймс.

Затем: «У меня нет чистой рубашки».

И еще: «У нас сегодня физкультура, где моя форма?»

И в довершение: «Я ненавижу бутерброды с ветчиной.

Можно я съем школьный обед?»

Глэдис сидит в своем кресле у камина, в маленькой гостиной дома номер 19 на Сантус-стрит в Уигане, любуясь своим длинным розовым стеганым халатом. Он похож на стеганые одеяла, которые они в старые времена называли «континентальными». Глэдис задумывается – почему? Потому что они пришли с Континента? А зачем они были им там нужны? Разве на Континенте не всегда тепло? Или только в тех местах, куда люди обычно ездили, когда говорили, что отправляются «на Континент»? Бенидорм и тому подобное?

Джеймс стоит в дверях кухни – без рубашки, с поднятыми руками, словно умоляя кого-нибудь что-нибудь предпринять и упираясь белыми костлявыми локтями в дверной косяк. Он ведь так схватит жуткую простуду, разгуливая практически без одежды в самый разгар января. Глэдис задумывается на мгновение, что она могла бы попытаться чем-то помочь. В конце концов, это же ее телефон звонит – Джеймс абсолютно прав. Правда, звук раздается очень глухо, как будто из вед-

ра, опущенного в колодец. Просто поразительно, что теперь, оказывается, можно делать: Джеймс поставил на ее телефон старую песню вместо обычного звонка. Это «Diamonds and Rust» Джоан Баэз – одна из ее самых любимых, – хотя от нее Глэдис почему-то становится грустно. Возможно, потому, что она навевает воспоминания о прежних временах – а это, в сущности, единственное, что осталось у Глэдис. Вдруг ей вспоминается нечто совершенно ни с чем не связанное, но это важный факт, который, как ей кажется, стоит помнить. «Уиган находится на высоте сто тридцать четыре фута над уровнем моря».

Джеймс громко вздыхает и продолжает стоять с перекрытыми руками, глядя на свои локти.

– Элли! – кричит Глэдис из своего кресла. – Джеймсу нужно... что-то надеть. Я поглажу его рубашку.

Сверху доносится приглушенный возглас. Джеймс... Глэдис цокает языком, поглядев на его волосы – слишком длинные кудри для десятилетнего мальчика, – и в конце концов поднимает с кресла свое тщедушное тело. Гостиная очень маленькая: только кресло, диван и телевизор, и дверь на кухню, где находится лестница. За диваном стоит пластиковая корзина с горой выстиранной одежды, сложенной в шаткую башню. Рядом установлена гладильная доска, стоящая там месяцами. Вернее, всегда. Глэдис копошится в куче одежды, отыскивает белую рубашку и включает в розетку утюг.

– Я дам тебе шиллинг на обед.

Джеймс закатывает глаза и тоже роется в корзине с бельем, вытаскивая оттуда шорты и футболку для регби.

– Тебе это тоже погладить? – спрашивает Глэдис.

Джеймс запихивает спортивную форму в свою сумку.

– Не стоит. К вечеру это все равно будет в грязи, а то и в крови. И почему мы должны играть в регби в январе? Это нужно делать летом.

– Твой дедушка всегда был хорош в регби. В молодости он мог бы играть за городскую команду Уигана.

Глэдис разглядывает пуговицы на рубашке, разложенной на гладильной доске. Отвратительно пришиты. В ее времена такого не было. Она смотрит на этикетку. Сделано в Тайване, нечему удивляться.

– Бабушка!

В дверном проеме кухни появляется Элли. Глаза, как всегда, слишком сильно покрашены. Волосы взлохмачены, будто после урагана. А юбка! Практически пояс. Конечно, не Глэдис об этом рассуждать. Она тоже в свое время любила мини-юбки. Ноги были что надо. Все ребята так говорили. И именно это сказал ей Билл, когда они впервые встретились у закусочной, неподалеку от паба «Феррис Уил». «Классные ножки, детка». Ей нравился «Феррис Уил». Бокал хорошего стаута субботним вечером. Глэдис задумывается, существует ли еще этот бар, но потом вспоминает, что его снесли, чтобы построить большой супермаркет.

– Бабушка!

Элли влетает в гостиную, протискивается между диваном и стеной и хватается за утюг, лежавший плашмя на рубашке Джеймса.

– О, замечательно.

На рубашке вырисовывается большая коричневая отметина от утюга, прямо над нагрудным карманом.

Элли хватается руками за голову:

– У него ведь всего три рубашки!

– Что ж, я поглажу другую, – бормочет Глэдис. Она берет испорченную рубашку и критически ее осматривает: – Все равно швы на ней были некачественные. Я разрежу ее на тряпки для пыли.

– Я сама все сделаю, – произносит Элли, мягко отводя Глэдис за локти от гладильной доски. – А ты лучше посиди. Ты уже позавтракала?

– Не отказалась бы от тоста и чашечки чая. А вы не видели мой телефон? Я слышала, как он звонил.

Джеймс уже натягивает на себя мятую белую рубашку.

– Ладно, и так нормально, – говорит он, хотя его голос выражает совершенно другое. – Я опаздываю на автобус.

– Не забудь свои бутерброды, – напоминает ему Элли, потирая мочку уха. – Никто не видел мою сережку?

– А никто не видел мой телефон? – спрашивает Глэдис. – Я поставила его заряжаться, когда вы пришли из магазина вчера вечером. Я убирала продукты. Точно это помню.

Джеймс стоит у холодильника, тарашась внутрь с таким

видом, словно там лежат какие-то диковины. В конце концов он достает свои бутерброды, завернутые в пищевую пленку.

– Он здесь, бабушка. Твой телефон. Ты оставила его в холодильнике. В масленке.

Смеясь, Джеймс возвращается в гостиную с телефоном. Элли качает головой:

– Бабушка...

Глэдис потирает подбородок.

– Я готова была поклясться, что поставила его на зарядку вчера вечером. Там, на буфете.

Низенький буфет – совсем небольшой, дешевый – ютится возле окна. На нем стоит ваза для фруктов с парой высохших мандаринов, а по бокам – фотографии родителей Элли и Джеймса. Мальчик указывает на буфет и снова смеется:

– О боже. Вот это номер!

За вазой для фруктов виден извивающийся провод зарядки от телефона Глэдис, воткнутый в пачку масла «Анкор», которое подтаяло и растеклось по лакированной деревянной поверхности.

– Я вытру. – Элли громко вздыхает, потом смотрит на свой телефон. – Джеймс, тебе пора идти.

– Пока, – говорит он, и Глэдис провожает Джеймса взглядом, глядя, как он, прежде чем уйти, запихивает в рот печенье. Она подмигивает ему. Наш секрет.

Элли снова смотрит на свой телефон: «Черт, я опоздаю в школу». Она бросается на кухню (все время крутится юлой

эта девочка), и Глэдис слышит, как шумит чайник и работает тостер. Пять минут спустя Элли приносит ей чашку чая и намазанный маслом тост на тарелке, и у нее самой свисает изо рта сложенный вдвое кусок тоста.

– Какая ты славная девочка, – говорит Глэдис.

Элли присаживается перед ней на корточки и вынимает тост изо рта.

– Бабушка, – говорит она. Всегда такая серьезная. Очень шустрая и серьезная. – Бабушка, пообещай мне, что ты не будешь никуда выходить сегодня. И ничего не включай в розетки. Я оставила для тебя в холодильнике контейнер с обедом. Его нужно две минуты разогреть в микроволновке. Я все это написала и приклеила скотчем к крышке. Просто следуй инструкциям, хорошо? Чай ты сможешь себе сделать сама?

– Ну разумеется, – фыркает Глэдис. – Я ведь не ребенок, ты знаешь. В следующий день рождения мне стукнет семьдесят один.

Элли кивает.

– Не подходи к двери и не отвечай на телефонные звонки, если только не увидишь на экране, что это звоним я или Джеймс, договорились?

Глэдис шутливо отдает ей честь и смеется. Элли не смеется. Она оглядывается вокруг в поисках своего рюкзака и, обнаружив его возле буфета, взваливает себе на плечо.

– Я вернусь в четыре. Джеймс будет дома в половине чет-

вертого. Хорошо? А ты просто смотри телевизор. И не забудь про обед. На ужин, я думаю, у нас будут рыбные палочки. Потом мне нужно будет уйти на работу.

– Отлично, – говорит Глэдис. – Хотя я, возможно, предпочла бы пирог. С мясом и картошкой. Ты знаешь, что им запретили теперь так его называть? Они должны называть его «с картошкой и мясом», потому что там больше картошки, чем мяса. Но, между прочим, с подливкой он очень даже ничего. Хорошего тебе дня в школе!

Когда Элли наконец уходит, Глэдис вздыхает. Иногда ей становится просто невыносимо слушать свои мысли в пустоте этого дома. Поискав глазами пульт и найдя его на камине, она направляет его на телевизор, приставив как можно ближе, и давит на кнопки, пока экран не загорается. Новости, новости, новости. Какие-то идиоты на диване. Какая-то американская чепуха. Люди, отправляющиеся в космос. Вот и весь выбор, смотреть нечего. Можно было бы почитать книгу, если бы Глэдис удалось ее найти. Или вспомнить, как она называется. Или хотя бы о чем она вообще.

Она берет свой телефон, гадая, кто это звонил ей недавно из холодильника. Нет, не из холодильника. В холодильнике. Когда телефон лежал в холодильнике. Может быть, это ее «парень», хотя он обычно не звонит. Вернее даже, никогда не звонит. Для него только электронная почта. Глэдис смотрит на экран, где высвечиваются «пропущенный вызов» и какой-то незнакомый номер – во всяком случае, не привязан-

ный ни к какому имени. Вдруг она подскакивает от неожиданности, едва не уронив вновь зазвонивший телефон.

«Да?» Глэдис слушает некоторое время, что говорит ей в трубке приятный женский голос. Потом, поразмыслив, отвечает: «Ну да, кажется, у меня есть страховка по кредиту. Сколько кредитов? О, полагаю, шесть или семь. А то и восемь. Можно вернуть страховку? Звучит заманчиво...»

4

Как там, в космосе?

Томас бросает взгляд на свое изображение в углу монитора и пытается пригладить волосы, которые все равно снова встают дыбом. У него мелькает мысль, не стоит ли сделать перерыв, чтобы побриться. Почему-то он даже не задумывается, с чего бы это его бывшая жена могла объявиться, после того как несколько месяцев назад она заявила, что не желает с ним больше разговаривать никогда в жизни.

В поле видимости появляются мужчина в клетчатой рубашке и девочка. И нет, никакой Дженет нет и в помине. Клаудия кивком подзывает к себе девочку.

– Мы провели конкурс в вашей начальной школе в Кавершаме, и победителю предоставляется возможность задать вам один вопрос. – Она приобнимает одной рукой девочку, которой на вид лет девять или десять. – Это Стефани. А это мистер Бересфорд, ее классный руководитель. Давай, Стефани, поздоровайся, не стесняйся.

Томас пристально оглядывает учителя. Тот выглядит достаточно молодо, так что вполне годился бы ему в сыновья. Девочка робко машет рукой в качестве приветствия, а Томас говорит:

– Моим классным руководителем был мистер Дикинсон. Что там с ним, интересно?

– А, это Тони Дикинсон? – произносит мистер Бересфорд. – Насколько мне известно, он вышел на пенсию, а где-то около года назад умер. Помнится, я читал об этом в школьной информационной рассылке.

– Это хорошо. Он был мерзким ублюдком-садистом. Однажды он вlepил мне три удара тростью по заднице – за то, что я чесал нос в классе. Надеюсь, он хорошенько помучился перед смертью.

– Майор Том... – сквозь стиснутые зубы говорит Бауман. – У майора Тома очень... специфическое чувство юмора, Стефани. Он совсем не то имеет в виду.

– Нет, я именно то имею в виду. Думаю, старику Дики просто доставляло удовольствие лупить мальчишек. – Томас вновь переводит взгляд на мистера Бересфорда, с его модной стрижкой и хипстерской бородкой: – Полагаю, в наши дни в школах подобного не допускают. Проверяют на наличие криминального прошлого и все такое.

Клаудия пробивается вперед, потеснив Баумана, оттягивающего ворот своей рубашки.

– Хорошо, Томас, но у Стефани есть для тебя вопрос.

– Если он о том, как я справляю в космосе большую нужду, то могу сразу сказать, что это процесс долгий, сложный и малопривлекательный.

Томас видит, как Бауман прикладывает ладонь ко лбу.

Девочка смотрит на своего учителя, потом на Клаудию, которая натянута улыбается и слегка подталкивает ее лок-

тем. Тогда Стефани опускает взгляд на свою карточку и произносит дрожащим голосом:

– Что лучше всего, когда находишься в космосе?

«О боже, они ничего глупее не могли придумать?»

Томас осознает, что он произнес это вслух, но уже слишком поздно. Лицо девочки сморщивается, и она начинает плакать. Томас закрывает глаза.

– Ладно. Ты хочешь знать, что лучше всего, когда находишься в космосе? Это то, что ты не на Земле. Я был примерно твоего возраста, когда кое-что понял, а именно то, что этот мир – дерьмо, так же как и все люди в нем. Всю свою жизнь я наблюдал за тем, как мои устремления чахнут и умирают. Так что, когда подвернулась возможность оставить все позади – то есть в буквальном смысле оставить к чертям все позади, – я ухватился за это обеими руками. И я получил то единственное, что когда-либо хотел. Здесь никого. Я один. Совсем, абсолютно.

Sol. Один. Chewed. Печально исковерканное. Печально. Исковерканное. Chewed. Tude⁴. SOLITUDE! Одиночество! Томас издает возглас и, открыв глаза, оглядывается в поисках своего сборника кроссвордов. В этот момент он обнаруживает, что монитор перед ним погас. Эти придурки прервали связь.

Его карандаш плавает где-то возле иллюминатора, и Томас собирается отправиться за ним, как вдруг раздается

⁴ Отношение (англ.). (Примеч. ред.)

резкий гудящий звук, исходящий от серого пластмассового предмета, который он раньше не замечал. Томас осторожно берет его в руки и обнаруживает, что это такой телефон.

– Да?

– Томас, это директор Бауман, – доносится до его слуха голос, приглушаемый каким-то шипением. – Мы потеряли с вами связь, прежде чем вы начали отвечать. Но вы не беспокойтесь, мы над этим уже работаем. Вероятно, это всего лишь сбой программного обеспечения. Я на вашем месте постарался бы пока поднатореть в инструкциях по работе в открытом космосе.

Поднатореть? Кто-нибудь так сейчас вообще говорит? На совет по поводу инструкций Томас реагирует лишь тяжелым вздохом.

– Закупили все компьютерные системы в обычном «Пи-Си Уорлде» – вот вам и результат.

Директор Бауман пропускает это замечание мимо ушей.

– Мы работаем над проблемой. А пока будем держать с вами связь с помощью этого устройства.

– Я и не знал, что у меня есть телефон.

Томас на секунду отнимает пластиковую трубку от уха, чтобы рассмотреть ее. Она выглядит как нечто из семидесятых. Учитывая, что «Конурник-1» представляет собой извращенный гибрид из частей купленной задешево советской космической техники, то, возможно, так оно и есть. Однако, во всяком случае, эта штука работает.

– Это телефон «Иридиум», – сообщает Бауман. – Он использует спутники на околоземной орбите для передачи сигнала. Так что вы не очень долго будете в зоне покрытия. Технология довольно устаревшая и примитивная, но, как бы то ни было, имеется шестьдесят шесть спутников, способных передавать сигнал, и таким образом мы сможем поддерживать с вами связь.

– Их должно быть семьдесят семь, – задумчиво произносит Томас. – Это атомный номер Иридия.

– Это не имеет значения, – сердито отвечает Бауман. – Мы ожидаем, что наш основной канал связи будет налажен в самое ближайшее время.

– Так значит, сейчас вы не можете меня видеть? Совсем-совсем?

– Ну... нет. На самом деле нет. Но вы не паникуйте. Ребята из технического отдела...

– Да-да, работают над этим, – продолжает за него Томас. Прямо-таки закатав рукава. Он хватается проплывающий мимо сборник кроссвордов: – Что ж, раз уж у нас нет сейчас видеосвязи... Пожалуй, я займусь пока, эээ... проверкой систем. И прочими делами.

– Вот и отлично, – одобрительно откликается Бауман. – У нас проблема только с видеосвязью, так что я пришлю вам по электронной почте номера, по которым вы можете связаться с нами по спутниковому телефону.

– Номера? Обычные телефонные номера? Вот так просто

все это работает?

– Да. Обычные номера. Мы будем держать с вами связь. И еще, Томас... вы довели до слез эту маленькую девочку, понимаете? Вы когда-нибудь прекратите вести себя как... как...

Директор Бауман, похоже, не в силах даже подобрать слово.

– Конченный придурок? – услужливо подсказывает Томас. Разумеется, он не может видеть в этот момент директора Баумана, но прекрасно представляет себе, как тот стоит, прижимая к груди свой планшет, потирая переносицу большим и указательным пальцами и сдвинув брови.

– Да, – обреченно соглашается директор Бауман. – Прекратите ли вы когда-нибудь вести себя как конченный придурок – особенно когда к нам приходят гости, желающие поговорить с вами?

– Боюсь, шансы на это такие же, как у снежка в адском пекле.

– Томас, – вновь обращается к нему Бауман таким тоном, каким разговаривают с неразумным ребенком. – Томас. Мы взяли на себя достаточно большой риск, выбрав для этой миссии вас. Нужно ли мне напоминать вам, что вы дали определенные... обещания? В том, что касается ваших обязательств, связанных с миссией.

– Полагаю, мои обязательства, связанные с миссией, и так вне конкуренции, – сквозь зубы произносит Томас. – Учи-

тывая тот факт, что сейчас я отправляюсь в путешествие в один конец, на Марс и, вполне вероятно, сгину там, прежде чем кто-либо на Земле поднимет свою задницу, чтобы составить мне компанию. Впрочем, такое положение дел – как мы все уже установили – меня более чем устраивает. И если вы оглянетесь на год назад, то, несомненно, вспомните, что это вовсе не вы выбрали меня для этой миссии. Я сам себя выбрал.

Томас слышит на заднем фоне приглушенный голос Клаудии: «Да, я в тот день постарела на пять лет, никогда его за это, черт возьми, не прощу».

– Да, Томас, мы всё это понимаем. Абсолютно всё. Но вы тоже должны согласиться, что у нас у всех есть свои обязанности... это большая честь для нас – быть причастными к осуществлению первого полета человека на Марс. Так что есть определенные условия, которые нам приходится выполнять. Мы должны придерживаться некоторого уровня... публичности. И для этого...

– О нет, я не собираюсь ничего писать в «Твиттер». Пусть этим занимается Клаудия. Просто сочиняйте время от времени какую-нибудь чепуху о том, как захватывает дух от вида Земли из космоса и с какой мощностью работают мои двигатели. Уверен, все это пойдет на ура. Тогда, надеюсь, наши спонсоры будут довольны? Если нужно, можете даже сказать им, что я принимаю душ с кока-колой и использую биг-маки вместо подушек.

В трубке повисает шипящая тишина. Бауман тяжело вздыхает.

– Ладно, Томас. Будем на связи.

Затем телефон замолкает. Томас глядит на него, произносит «с днем рождения меня!» и кладет трубку обратно в держатель.

Он возвращается к своему кроссворду, но не может сосредоточиться. Он-то подумал, что они пригласили для него Дженет. Подумал, что она хочет поговорить с ним. И как ему могла прийти в голову подобная глупость? После всего, что произошло, после того, как он получил письмо от ее адвоката на свой прошлый день рождения... да уж. После их расставания Томас был уверен, что отныне она будет последним человеком на Земле, который пожелает с ним поговорить. Но как бы то ни было... Все-таки это его день рождения. Томас отпускает от себя карандаш и сборник кроссвордов и отправляется за самоподогревающимся тубиком приторно сладкого напитка, не имеющего ничего общего с «Эрл Грей». Выдавливая в рот чай, он смотрит на спутниковый телефон и снимает трубку. На ней есть кнопки, и она соединена с приборной панелью толстым черным проводом. Томас задумывается...

Потом набирает на телефоне номер Дженет, намертво врезавшийся в его память, и слышит щелчки и шипение, следом за которыми раздается внезапный, волнующий звук идущего звонка.

Совет нации от Глэдис Ормерод

Глэдис смотрит на закипающий чайник и думает о том, что, вероятно, ей следовало бы пойти переодеться. Она приятно поболтала с девушкой по телефону, хотя потом та стала казаться уже не такой приветливой, когда выяснилось, что у Глэдис, скорее всего, не было на самом деле никаких кредитов со страховкой. В любом случае, с ее стороны было очень мило взять на себя труд, чтобы позвонить и поинтересоваться.

Нетвердой походкой Глэдис пробирается с чаем обратно к своему креслу и принимается изучать список программ на экране. По какому каналу там снова показывают «Pebble Mill at One»? Вот это ей нравилось. Но сейчас, похоже, не было ничего интересного: какие-то люди, кричащие друг на друга в споре о том, кто отец еще не родившегося ребенка, какие-то судебные приставы, какие-то чудачки, снующие по всем уголкам страны в поисках антикварных вещей. Пока Глэдис раздумывает, раздается шорох в дверной прорези для почты и легкий звук чего-то упавшего на коврик. Гостиная имеет выход прямо на улицу, и подойдя к двери, Глэдис обнаруживает на полу коричневый конверт. В коричневых конвертах никогда не бывает ничего интересного. Она наклоняется за ним, слыша, как хрустят ее суставы. На кон-

верте имеется небольшое окошко с именем ее сына. Что ж, а его-то здесь нет. Им это должно быть известно. На лицевой стороне конверта большими темными буквами напечатано: «СОДЕРЖИТСЯ СРОЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ. ЭТО НЕ РЕКЛАМНАЯ РАССЫЛКА».

Глэдис пристально оглядывает конверт. Ну, разумеется, это не посылка. Это письмо. В самом обычном продолговатом конверте. Она произносит вслух: «Продолговатый». От этого ей становится смешно. Глэдис не уверена, что кто-то другой использовал бы сейчас это слово. Вероятно, другие сказали бы «прямоугольный». Но ей больше нравится «продолговатый». Долг... долг... долонг... кажется, есть какой-то чай, который называется как-то так? Сделанный в Китае? Или в Тайване, как рубашка Джеймса? Глэдис размышляет, почему люди перестали говорить «продолговатый». Очевидно, веяния с Континента. Так же как и большинство других изменений, как говорят по телевизору. Видимо, слово «прямоугольный» пришло оттуда вместе со стегаными одеялами. Эта мысль напоминает ей о том, что она хотела пойти переодеться. Глэдис отправляется на второй этаж, чтобы облачиться в юбку и блузку и положить коричневый конверт, так и не открыв его, на дно выдвижного ящика, где она хранит свои колготки и нижнее белье, вместе с множеством других нераспечатанных коричневых конвертов.

«Алло?» На этот раз звонит какой-то молодой человек. Он представляется Саймоном. Глэдис выслушивает его и го-

ворит: «Да, знаете, вы совершенно правы. У нас действительно было дорожное происшествие. Когда? Ну... тогда еще мой муж вел машину. Билл. Но его вины в той аварии не было. Это корова сама выбежала на дорогу. Да-да, разумеется, кто-то в этом все же был виноват. В первую очередь сама корова. Люди думают, что коровы неповоротливы, но та оказалась очень приткой. Удрала с пастбища и выскочила прямо на дорогу. Ворота? Да, они были нараспашку. Через них корова и выбралась. Нет, полагаю, кто-то оставил их незапертыми, вы абсолютно правы. Не думаю, что это корова сама их открыла. Коровы ведь не такие уж умные, верно? Во всяком случае та точно была не особо умна. Не думаю, что, если бы ей хватило ума открыть ворота, она потом так глупо бросилась бы под машину. Когда это было? Что ж, как я уже говорила, тогда Билл был за рулем. Это была светло-голубая машина. «Толедо», что ли? «Триумф-Толедо»? Да, это старая машина. Но тогда она вовсе не была старой. Она была вполне новой. Не то чтобы уж совсем новой, понятное дело, но новой для нас. Ох, что там было... С коровой, я имею в виду. Машина-то осталась цела. Билл? О нет, вы не можете с ним поговорить. Он вот уж двадцать лет как умер. Алло? Саймон?...»

Этот телефонный разговор расстраивает Глэдис. Он возвращает ее к мыслям о Билле. Ей ужасно его не хватает. Иногда она забывает о том, что он умер от сердечного приступа, и ждет его домой к ужину, как было всегда. Порой Глэдис

может отлично представить, что приготовила ему на ужин тридцать лет назад, и это вырисовывается в ее памяти гораздо яснее, чем то, что она ела сегодня. Хуже всего, что они поссорились в тот день, когда он ушел на работу и больше не вернулся. Если бы Глэдис могла что-либо изменить в своей жизни, то больше всего на свете она хотела бы, чтобы у нее не было ссоры с Биллом в то утро, в тот последний четверг. И если бы ей повстречался премьер-министр и спросил у нее, какой совет она дала бы людям при обращении к нации, она бы сказала: никогда не позволяйте любимому человеку уйти после ссоры не помирившись. Как знать – вдруг вам потом позвонят и скажут, что ваш муж потерял сознание на работе и его отвезли в больницу. И вам придется мчаться туда сломя голову, пересаживаясь с одного автобуса на другой, – и услышать, что он скончался почти мгновенно от тяжелого сердечного приступа. И вы будете стоять рядом со своим мужем – таким холодным и белым, таким непохожим на себя – и говорить ему, уже ничего не слышащему, «я люблю тебя» снова и снова, горько сожалея о том, что вы не сказали этого раньше, прежде чем он ушел на работу: ведь, если уж пробил его час и ничто не могло его спасти, по крайней мере, он не умер бы вот так, унося в своем сердце те резкие и колючие слова, которые вы в пылу ссоры бросили ему в лицо.

На самом деле и ссора-то случилась на ровном месте. Из-за каких-то обоев. Глэдис хотела оклеить спальню обоями «Анаглипта», а Билл их терпеть не мог.

И вот уже двадцать лет она одна, целых двадцать лет. Глэдис окидывает взглядом пустую гостиную, диван с креслом и буфет возле окна и думает о том, куда же все делись. Не Джеймс и Элли – они-то в школе, это ей прекрасно известно. Она не совсем еще выжила из ума. Но куда исчезли все остальные? Почему у Билла случился инфаркт? И что произошло со всеми теми людьми, с которыми она когда-то работала на швейной фабрике? Где сейчас миссис Мир из дома 35? Глэдис не видела ее давным-давно. Милейшая женщина. Вырастила целую кучу детишек, и ни один из них, насколько известно Глэдис, не стал террористом – из тех, что показывают по телевизору. Ни один. А ведь это дорогого стоит, не так ли? И это много значит. Люди так недооценивают матерей.

Глэдис снова оглядывает комнату. В этом доме не хватает матери. Сколько времени здесь уже нет Джули? Глэдис не может вспомнить. Порой она столько всего не может вспомнить. Она часто размышляет о том, исчезают ли ее воспоминания бесследно, лопаясь, как мыльные пузыри, которые дети раньше пускали в солнечные дни, или они все же остаются у нее в голове, но она просто потеряла к ним ключик. Глэдис надеется, что верно второе и все ее воспоминания никуда не деваются. На самом деле это вполне логично, потому что иногда какое-нибудь воспоминание вдруг выныривает на поверхность, как форель в реке, – возникает словно ниоткуда, заставляя ее смеяться, а иногда и плакать. Возможно, когда-нибудь врачи найдут тот ключ, который поможет людям

отпирать закрывшиеся дверцы их памяти. В наши времена могут творить настоящие чудеса. Дают слепым возможность видеть, а глухим – слышать. По телевизору показывали человека, у которого вместо ног были какие-то штуки, похожие на гибкие ножи для масла. Глэдис припоминает, что потом, кажется, он кого-то убил. Вот ведь как бывает. У миссис Мир была целая орава детей, и никто из них не вырос террористом-смертником, а безногому человеку сделали ноги, так он пошел и кого-то застрелил через дверь.

По телевизору нет ничего интересного, и Глэдис не может найти свою книгу, поэтому некоторое время она предается воспоминаниям о Билле и позволяет себе всплакнуть, после чего решает пойти немного поспать, а потом разогреть обед в микроволновке.

Вдруг снова звонит телефон. Это не одна из тех контор, помогающих вернуть деньги за страховку или получить компенсацию после дорожного происшествия. Ей не предлагают взять кредит, отремонтировать компьютер или пройти соцпрос.

На этот раз – что удивляет даже Глэдис – звонит астронавт.

11 января 2016 г. Умер Дэвид Боуи

Сорок шестой день рождения начинается для Томаса с известия о том, что умер Дэвид Боуи. «Вот так всегда, – думает Томас. – Да еще и на мой день рождения». Он достает из икевского шкафа в гостиной свои виниловые пластинки с записями Боуи, рассматривая конверты и довольно долго задержавшись на обложке «Diamond Dogs», напоминающей кошмарное сновидение. На самом деле Боуи всегда действовал на него в детстве наполовину завораживающе и наполовину отталкивающе: весь тот психоделический апокалиптический ужас видео «Ashes to Ashes» и научно-фантастическое безумие «Ziggy Stardust». Томасу кажется странным, что Боуи, как выяснилось, было шестьдесят девять лет: по его ощущениям, тот мог бы быть одновременно старше и моложе. Боуи был вне времени, как созданные им персонажи. Боуи не мог умереть, как обычный человек, он был больше вымышленным, чем реальным.

Томас чувствует, что ему весьма грустно из-за всего этого. Он мог бы дать волю своей грусти и, прежде чем отправиться на работу, послушать что-нибудь из песен Боуи, чтобы почтить его память, если бы не ужасный звук сверления, доносящийся с улицы.

Томас отдергивает шторы в комнате и с недоумением

смотрит на группу людей в ярких светоотражающих куртках, бодро ломающих асфальт на дороге. Он включает «Радио 4» на максимум, чтобы заглушить грохот, однако в ответ на это сосед сверху начинает безостановочно колотить по полу – потолку Томаса, – что действует не менее раздражающе, чем само сверление.

Затем Томас обнаруживает, что отключили воду. Это значит, что он не может принять душ. Он стоит посередине крошечного, покрытого грибком душевого поддона, с ненавистью глядя на молчащую душевую лейку. Он не сможет выйти на пробежку перед работой, если нельзя принять душ. Томас отправляется на мини-кухню – слишком громкое название для нескольких шкафчиков, не загромоздивших бы даже дом на колесах, – и рассеянно сует чайник под кран, прежде чем осознает, что воды, конечно же, нет. Ему не удастся выпить и чашку чая. Томас натягивает на себя банный халат и бросается вниз по лестнице, чтобы высказать свое недовольство рабочим, и лишь тогда ему на глаза попадает гора писем, адресованных «квартиросъемщику», лежащих на ящике электросчетчиков. Они покрыты тонким слоем пыли, свидетельствующей о том, что они лежат там уже какое-то время. Томас не понимает, почему он не замечал их раньше. Его подозрения падают на женщину с первого этажа – он видел иногда, как она роется в мусорных контейнерах в поисках жестяных банок и зачем-то моет их водой из двухлитровой бутылки, которую носит с собой в сумке-сетке: возмож-

но, это именно она забирала все эти письма, а потом – по какой-то лишь ей одной ведомой причине – решила вернуть их обратно в холл.

Томас разрывает адресованный ему конверт и обнаруживает в нем письмо от водоснабжающей компании, оповещающей о трехчасовом отключении воды в этот самый день в связи с проведением необходимых технических работ. Письмо отправлено три недели назад. Томас берет конверт и громко стучит кулаком в дверь квартиры на первом этаже, пока ее обитательница – женщина неопределенного возраста с безумными глазами и копной седых кудрявых волос, одетая весьма причудливо, в футболку «Motorhead» и цветастую юбку, – не выглядывает наружу поверх цепочки.

– Это вы прятали письма? – спрашивает Томас, потрясая конвертом.

Женщина с изумлением смотрит на него, словно он размахивает перед ней дохлым воробьем.

– Это противозаконно – лезть в чужую корреспонденцию!

Голова женщины поднимается и опускается, в то время как она следит глазами за яростными взмахами конверта.

– Воду отключили, – говорит Томас.

– Как же я тогда буду мыть банки, хотелось бы знать?

– Мне-то какое дело? – рявкает он, и женщина моргает при каждом его выкрике. – Хотелось бы знать, как мне самому мыться?

Она критически оглядывает его с головы до ног:

– Симпатичный халатик.

Томас с надменным видом удаляется обратно в свою квартиру, где обнаруживает, что вдобавок к отключенной воде еще и скисло молоко в холодильнике. Так что, даже если бы он предусмотрительно набрал в чайник воды до ее отключения, ему все равно не удалось бы выпить чашку «Эрл Грей», потому что он терпеть не может чай без молока. Итак, молока у него нет. Значит, он не может и поесть хлопьев. Имеется лишь немного апельсинового сока – буквально один глоток.

На этом неприятности не заканчиваются. Когда Томас собирается уже уходить на работу, появляется почтальон и вручает ему стопку писем. Среди них ни одной поздравительной открытки. Впрочем, он не особо и ждал. Томас Мейджор не слишком часто предается размышлениям на эту тему, но иногда ему кажется, что он является членом какого-то особого клуба на планете Земля. Ни семьи, ни друзей, и работа, где он сознательно избегает взаимодействий с людьми, насколько это возможно. Томас подозревает, что, вероятно, таких людей на самом деле не так уж и мало. Время от времени ему попадаются в газетах статьи об одиночестве – особенно в преддверии Рождества. Однако они всегда написаны в таком ключе, как будто не иметь никого близкого – это что-то плохое. Между тем одно из писем, врученных ему хмурым почтальоном, оказывается из разряда личной корреспонденции – это пухлый коричневый конверт с его именем, официально напечатанным в окошке. Томас открывает письмо, стоя на

пороге, и долго читает отпечатанные листы и приложенный к ним листочек-стикер с несколькими строчками, написанными рукой его жены Дженет. В конце концов он сворачивает письмо и кладет его в карман.

Проходя мимо рабочих, с грохотом сверлящих дорогу, Томас недовольно бросает:

– Могли бы и больше побеспокоиться о предупреждении жильцов, знаете ли.

– Да отвали, – весело говорит ему мужчина в светоотражающей куртке, со свисающей изо рта самокруткой. Томас запоминает название фирмы-субподрядчика, чтобы можно было впоследствии написать официальную жалобу на поведение рабочего.

Его поезд из Паддингтона переполнен до невозможности.

Когда он идет пешком от станции Слау до БриСПА, начинает лить дождь.

Свой зонт Томас забыл в поезде, так что до работы он добирается промокший до нитки.

Едва переступив порог офисного здания, он наталкивается в холле на толпу людей, вооруженных записными книжками, диктофонами, фотоаппаратами и мохнатыми микрофонами.

И наконец, добравшись до своего рабочего стола, Томас обнаруживает в электронной почте письмо с темой «Срочно», адресованное ему от самого директора Баумана, с которым ему довелось обменяться лишь парой слов за всю свою

карьеру. Это было два года назад на рождественском корпоративе, куда Томаса, вопреки его абсолютному нежеланию, все же уговорили пойти.

Директор Бауман:

– А... Томас, верно? Вам нравится работать в БриСПА?

Томас:

– Да не особо.

Он мог бы и не ограничиться этим, а высказать намного больше, но директор Бауман, пошевелив бровями, отправился обмениваться банальностями с другими сотрудниками.

Если директор Бауман и помнит ту их беседу, во всяком случае, он ничем этого не выказывает теперь, когда Томас стоит в его кабинете, откуда открывается самый великолепный вид на Слау, какой только можно себе представить. В отличие от крошечной каморки, где Томас проводит свое рабочее время, кабинет Баумана по своему замыслу должен служить, очевидно, воплощением принципов эргономичного дизайна: это выражается прежде всего в наличии дорогого стола каплевидной формы и собственной кофемашины. Большое промышленное здание, перестроенное под офисы, где располагается и просторный эргономичный кабинет Баумана, и клетушка Томаса, представляет собой главное управление Британского космического агентства – БриСПА. Весьма неуклюжее сокращение, зачастую напоминающее Томасу какой-нибудь дорогостоящий и бесполезный агрегат для фильтрации воды. Изначально предполагалось использовать

просто БСА, что казалось более логичным, однако, как выяснилось, с претензиями против этого могла выстроиться целая очередь из организаций с тем же сокращением, среди которых (и это далеко не полный список) Орган по стандартизации вещания, Ассоциация строительных обществ, известный производитель мотоциклов «Би-Эс-Эй Компани» (чьё название, как Томас с удивлением обнаружил, изначально расшифровывалось как Бирмингемская компания стрелкового оружия), Британская сэндвич-ассоциация и Белорусская социалистическая громада.

– Но на самом деле я не совсем понимаю, – говорит Томас, начиная подозревать какой-то розыгрыш, – почему именно я?

Брови директора Баумана исполняют небольшой танец. Томасу приходит в голову забавная мысль: что если эти брови являются разумными существами, поселившимися на лице Баумана и полностью контролирующими его, тогда как сам он сидит в своем теле, как в западне, безмолвно крича изо всех сил? Томас принимается раздумывать над тем, какова может быть цель этих пришельцев. Возможно, это представители инопланетной формы жизни, и они подчинили себе директора Баумана, с тем чтобы вернуться обратно в космос. Пока он предается этим размышлениям, директор Бауман не перестает говорить. Главная мысль, как удастся уловить Томасу, состоит в том, что у него «ученый вид».

– Ученый вид?

Бауман машет рукой, поясняя.

– Ну да, знаете ли. Эти ваши волосы. Лабораторный халат. Эти карандаши, торчащие из кармана. Сразу видно, что ученый. Чего не скажешь сейчас о большинстве других наших сотрудников. Вот в прежние времена, я помню, ученые действительно выглядели как ученые.

– Прямо как в программах Открытого университета, которые раньше показывали по утрам.

Бауман смотрит на него с любопытством. Томас представляет себе, что его брови в этот момент обрабатывают полученную информацию, решая рассмотреть Открытый университет в качестве возможного альтернативного способа покинуть Землю. Бауман берет свой мобильный телефон и начинает что-то там набирать.

– Что вы делаете? – спрашивает Томас.

– Пишу заметку, чтобы поговорить с отделом по работе с персоналом, – рассеянно отвечает Бауман. – Больше лабораторных халатов. Больше сотрудников такого типа, как в Открытом университете. Хорошая идея, Томас.

Томас смотрит в окно. Дождь льет как из ведра. Каждое утро, приходя на работу, он бормочет себе под нос: «Давайте, милые бомбы, обрушьте на Слау»⁵. Секретарша на ресепшн всегда смотрит на него как на чудака или, может быть, как на какого-то «спящего агента».

– Так что я все-таки должен делать?

⁵ Цитата из стихотворения Джона Бетчемана «Слау». (Примеч. перев.).

Бауман откидывается на спинку своего кожаного кресла.

– Сегодня большой день для БриСпА, Томас. Очень большой. Величайший. Все держалось в секрете, но сегодня нам предстоит сделать грандиозное объявление.

– А, так вот почему столько прессы в холле. А я было подумал... не знаю, почему-то я подумал, что это как-то связано с Дэвидом Боуи.

Сказав это, Томас тотчас осознает, как глупо это звучит.

Бауман энергично кивает – или, во всяком случае, это делают его брови.

– Да уж, для нас это весьма неприятное событие.

Директор поднимается в глазах Томаса на одну ступеньку.

Потом Бауман продолжает:

– Если честно, я был очень обеспокоен сегодня утром, что у нас все полетит к чертям из-за этого. Вы же знаете, что такое СМИ. Знаменитость то, знаменитость се. Дело в том, что мы не могли заранее раскрывать все карты. Клаудия все утро обзванивала журналистов, убеждая их прийти к нам, заверяя, что это действительно того стоит. – Бауман поднимается и подходит к окну, наблюдая за потоками дождя, струящимися по стеклу: – Я хочу сказать, черт возьми, как же иногда не вовремя все происходит.

– Ему было всего шестьдесят девять.

– Вот именно! – восклицает Бауман, вновь поворачиваясь к Томасу. – Я рад, что мы с вами смотрим в одном направлении, Томас. Всего шестьдесят девять! Он мог бы

продержаться и еще какое-то время, не сомневаюсь. Однако при сложившихся обстоятельствах я вовсе не уверен, что мы сможем потеснить его с первых полос. Я имею в виду, мы должны это сделать, но в наши времена никогда не знаешь, чего ожидать. Мы, понимаете ли, лелеем надежду, что наш проект станет настоящей бомбой десятилетия или даже целого века, а потом вдруг кто-то вроде... вроде Джастина Бибера портит воздух или что-нибудь в этом роде, и все оказываются полностью поглощены этой новостью. Но вам-то беспокоиться не о чем, для вас все будет предельно просто.

– Что именно от меня требуется?

Томас сомневается, не пропустил ли он мимо ушей в процессе разговора какую-то важную информацию.

– Ничего особенного – просто побудете с ним до начала пресс-конференции, потом выйдете вместе к журналистам, показывая своим видом, что вы ученый. Потом уйдете. – Бауман окидывает Томаса критическим взглядом. – Мы дадим вам планшет.

– Но кого я должен сопровождать? – спрашивает Томас.

Большая комната для переговоров была оборудована для пресс-конференции. Томас ждет, прихлебывая чай, в маленькой комнате, расположенной дальше по коридору, вместе с человеком, который как будто медитирует, сидя с закрытыми глазами на своем мягком стуле. Томас, восседающий на табурете, бросает на него быстрый взгляд.

– Так, значит, вам предстоит стать первым человеком на

Марсе?

Мужчина выглядит крепким, лет под сорок, с бритой головой. На нем объемный оранжевый комбинезон с черным кольцом для шлема и множеством карманов и нашивок Бри-СПА. Космический скафандр. Он открывает глаза и смотрит на Томаса.

– Да. Именно так. И это большая честь.

– Вы военный?

– Королевские военно-воздушные силы. Летал на «Уэстлендах». Летчик-испытатель до недавнего времени. – Он протягивает руку. – Теренс Брэдли. Командир авиакрыла в прошлом.

Томас пожимает его руку, ненавидя Теренса Брэдли, командира авиакрыла в прошлом, за неизбежно сокрушительное рукопожатие.

– Дорога длиной в шесть или семь месяцев, – говорит Томас. – В зависимости от того, сколько займет переход по го-мановской траектории. И столько же обратно, плюс время, пока придется дожидаться следующего противостояния планет – вероятно, еще месяца три-четыре. Так что это как минимум полтора года, а то и больше.

Брэдли устремляет взгляд куда-то в пустоту.

– Обратной дороги не будет.

Томас смотрит на него в изумлении.

– Что?

Брэдли прищуривает глаза.

– Какой у вас допуск к информации?

Томас помахивает своим планшетом.

– Полный. На самом высшем уровне. Именно поэтому я здесь.

Брэдли кивает.

– Ну вы знаете все эти проекты по колонизации Марса? На то, чтобы их реализовать, потребуются годы, и для них еще нужно все подготовить. Это и есть моя работа. Установить солнечные батареи, несколько жилых модулей, наблюдать за ирригационными рвами.

– Вы отправляетесь на Марс копать канавы? И вы не сможете вернуться?

– У меня есть шанс продержаться до прибытия первой коммерческой миссии. Есть шанс. Это зависит от того, насколько хорошо мне удастся все обустроить и смогу ли я выращивать сельскохозяйственные растения в жилых модулях. – Он улыбается. – Я знаю, о чем вы думаете. Звучит ужасно, не правда ли? Самоубийственная миссия. Но именно к этому меня готовили всю мою жизнь.

– Ужасно? – говорит Томас. – Отправиться на Марс навсегда? Подальше от всего на нашей планете?

Брэдли печально кивает. Томас качает головой:

– Это звучит потрясающе.

Наступает недолгая пауза, после чего Томас говорит:

– Вы слышали, что умер Дэвид Боуи?

Брэдли смотрит на него так, как будто он сообщил, что

хлеб подорожал на два пенса за буханку. Потом пожимает плечами:

– Никогда не был его фанатом. Мне больше по душе Крис Ри, если честно.

Он становится неприятен Томасу еще больше.

В комнату входит женщина в дорогом костюме и легким движением откидывает с лица свои каштановые волосы.

– Привет, – она достаивает Томаса лишь беглого взгляда. – Я Клаудия из пиар-отдела. Все журналисты в сборе. Мы подержим их еще десять минут, чтобы накалить атмосферу. Грамотный расчет времени очень важен в таких делах. Честно говоря, мы несколько опасались неприятностей из-за смерти Боуи, но сейчас, судя по всему, у нас аншлаг. – Женщина смотрит время на своем айпаде. – Я позвоню вам на телефон в этой комнате, когда пора будет выходить. Думаю, сначала вам нужно будет постоять перед ними несколько минут с видом... астронавта... – чтобы они могли сделать хорошие снимки. Старайтесь, например, смотреть куда-нибудь вдаль. Как будто в космос или что-то в этом роде. И обязательно позируйте перед флагом БриСпА. Нам жизненно важен хороший пиар на первых полосах. И еще, полагаю, некоторые журналисты захотят сделать с вами селфи. Это прекрасно. Это замечательно. Все эти фото будут в «Твиттере» к ланчу.

Клаудия смотрит на Томаса:

– Теперь вы. Сопровождаете командира авиакрыла Брэд-

ли на его место, потом отходите. Никакого позирования, хорошо?

Когда женщина уходит, Брэдли закрывает глаза и снова погружается в медитацию. Томас говорит:

– Не хотите чашку чая? Может быть, она станет для вас последней.

– До моего полета еще почти год. Предстоит много всего. Подготовка в Звездном городке в России.

– В таком случае, для чая еще много времени. Если, конечно, вам удастся раздобыть приличный чай в России.

Брэдли вздрагивает и морщится.

Томас медленно отпивает чай и смотрит на него поверх своей чашки.

– С вами все в порядке?

Их взгляды встречаются.

– Глуррк, – произносит Брэдли.

– Что это значит? «Чай» по-русски?

Брэдли выкатывает глаза, прижимает руку к груди и соскальзывает со стула на пол. Теренс Брэдли, командир авиакрыла в прошлом. Живой в прошлом.

– Черт возьми, – вырывается у Томаса.

Брэдли, как кажется, уже не дышит. Томас делает все возможное, чтобы уложить астронавта в наиболее безопасное, по его представлению, положение, хотя это больше походит на укладывание спящего ребенка. Потом Томас бросается к двери. Он ищет Клаудию, но натывается на охранника, игра-

ющего на телефоне.

– Он потерял сознание. Астронавт. Брэдли. Похоже, он мертв.

– Черт, – бросает охранник. Он убирает телефон и начинает кричать в свою рацию.

Двое мужчин с зеленой сумкой для первой помощи бегут по коридору и отодвигают Томаса в сторону. Они смотрят на Брэдли, потом друг на друга и одновременно говорят:

– Черт.

Один из них хватается за телефон, висящий на стене, и кричит в трубку. Другой начинает стаскивать с Брэдли оранжевый скафандр.

Затем Томас вновь оказывается в глубине маленькой комнаты, когда в нее врываются мужчина и женщина в медицинской одежде. Мужчина сжимает руки в замок и принимается ритмично надавливать на грудь Брэдли. Женщина распаковывает пластиковый чемоданчик и достает оттуда дефибриллятор. Мужчина останавливается, наклоняется, чтобы прижать свой рот к губам Брэдли, и делает три сильных выдоха. Потом он смотрит на женщину и говорит:

– Черт.

– В сторону, – говорит женщина, в то время как мужчина разрывает на Брэдли его белую майку. Тело астронавта содрогается, когда женщина прижимает к его телу электроды и дефибриллятор дает разряд. Оба медика поднимают руки, требуя тишины, после чего переглядываются.

«Черт».

Появляются еще двое медицинских работников с носилками, после чего четверо медиков, двое санитаров первой помощи и охранник уходят, забрав Брэдли и оставив Томаса наедине со скомканным оранжевым скафандром, выглядящим так, словно его обладатель, собиравшийся стать первым человеком на Марсе, каким-то образом вдруг испарился.

Томас смотрит на него некоторое время. Ему кажется, будто нужно что-то сказать, но единственное, что приходит ему в голову, уже было произнесено много раз всеми другими.

Вдруг звонит телефон на стене. Это Клаудия.

– М-м-м-м, – произносит Томас.

– Все готово. Ведите его сейчас.

Томас чувствует, что должен рассказать ей обо всем случившемся, но ему удастся лишь выпалить:

– Дэвид Боуи умер.

– Да, – раздраженно отвечает Клаудия. – Об этом мы уже говорили.

Затем телефон умолкает. Томас смотрит на лежащий на полу скафандр.

«Ужасно? Отправиться на Марс навсегда? Подальше от всего на нашей планете?»

Он сует руку в карман своего лабораторного халата и достает конверт, полученный этим утром, – единственная его корреспонденция на день рождения. Это письмо от Дженет.

Вернее, от ее адвоката. Документы на развод. И еще бумажка-стикер с написанным ее рукой коротким посланием. «Надеюсь, ты не будешь упрячиться, Томас. Я встретила человека. Пришло время двигаться дальше. Время для новых горизонтов».

Он знал, разумеется, что этот момент наступит. Они расстались уже пять лет назад. А до того три года практически не разговаривали. Первая пара лет их брака тоже была тернистой. В действительности, размышляя об этом теперь, Томас приходит к выводу, что, вероятно, был лишь один год – как раз в самой середине всего этого, – когда их отношения были близки к тому, что их можно было хотя бы с натяжкой назвать счастливыми. Он всегда знал, что она встретит кого-нибудь другого. «Она заслуживает быть счастливой, – думает он, но тут же перечеркивает эту мысль. – Нет, не заслуживает. Никто не заслуживает быть счастливым. Люди заслуживают пищу, и воду, и кров, и соблюдение всех этих основных человеческих прав, но не счастья. Оно не является жизненно важным». Он же как-то научился обходиться без счастья – с тех пор как ему было всего восемь лет.

Телефон снова звонит, но Томас его игнорирует. Он засовывает письмо обратно в карман своего халата, после чего раздевается до нижнего белья и облачается в оранжевый скафандр. Затем он спокойно покидает комнату и проходит по коридору до двери, возле которой стоит молодая женщина.

– Это... что... такое?.. – говорит она, но, прежде чем

ей удастся произнести что-либо еще, Томас проскальзывает мимо нее, открывает дверь и устремляется навстречу нетерпеливому гулу конференц-зала.

Начинают щелкать вспышки фотокамер, и гул голосов становится еще громче, когда директор Бауман объявляет со своего места за столом в переднем ряду:

– А теперь с огромным удовольствием представляю вам человека, которому предстоит первым ступить на Марс...

Томас выступает вперед и машет журналистам.

– Томас Мейджор, – громко произносит он.

На какое-то мгновение повисает тишина. Томас кидает взгляд на побледневшую Клаудию. Брови Баумана вновь начинают на его лбу ожесточенную схватку. Еще троих человек в костюмах Томас смутно узнает по их фотографиям в вестибюле. На стене за столом президиума висят флаги Великобритании и БриСпА.

Клаудия поднимается и машет всем рукой:

– Э-э-э, прошу вашего внимания... у нас есть анимированная инфографика нашего проекта... эм-м-м... запланированного полета и это...

Однако все внимание прессы уже обращено на Томаса. Он сгибает руку, напрягая мышцы под своим скафандром. Приятное ощущение. Потом один из репортеров в переднем ряду говорит:

– Томас Мейджор? Майор... Том?

Вспышки камер возобновляются с новой силой, все начи-

нают кричать одновременно, задавая вопросы, и Томас отчетливо слышит, как Бауман тихо произносит: «Это что – какая-то шутка?»»

Снайперская винтовка правды

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, но каждая ненормальная, несуразная, несчастливая семья ненормальная, несуразна и несчастлива по-своему», – так размышляет Элли, сидя на скамейке у банка, где она, укрываясь от периодически выпадающего дождя под длинными, веретенообразными деревьями, высматривает счастливые семьи. Элли представляет себя снайпером, какие были в Сталинграде. Они проходили Сталинград по истории. Средняя продолжительность жизни бойцов Красной армии в Сталинграде была двадцать четыре часа. Элли прищуривает глаза и прочесывает площадь через свой воображаемый оптический прицел. Каждый раз, когда ей удастся заметить счастливую семью (а вот и одна из них: подтянутый длинноногий мужчина, катящий детскую коляску-вездеход, и его спутница с парой пакетов из дорогого бутика в руках, с деловым видом разговаривающая по телефону), тогда снайперская винтовка Элли и пускает в них свою волшебную пулю.

Бах! Она прячет водку за отбеливателем и чистящим средством под раковиной. Он засиживается допоздна якобы для просмотра политической передачи «Question Time», а на самом деле просаживает деньги в онлайн-казино.

Прицел Элли скользит дальше и останавливается на паре,

гуляющей с ребенком: держа малыша за руки с обеих сторон, они раскачивают его с криками «раз... два... три... у-у-у-ух!» и делают шаг вперед – издали все это похоже на какое-то трехногое чудовище, передвигающееся неуклюжей, но размеренной походкой.

Бах! Она ходит на свою работу и ничего не может с собой поделать – ворует деньги и безделушки из сумок и карманов своих сослуживцев. Он испытывает непонятные ему самому чувства к почтальону – волосатому валлийцу по имени Бобби.

Все они ненормальны, несуразны и несчастливы по-своему. «Анна Каренина», откуда Элли позаимствовала, перефразировав, свою новую мантру, увесистым грузом лежит сейчас в ее рюкзаке. Это центр Уигана, и все вокруг, похоже, куда-то целенаправленно и быстро идут. Большую рождественскую елку, поставленную муниципалитетом, все еще не убрали, и она выглядит грустной и поникшей – теперь, когда с окончанием праздников, до нее уже никому нет никакого дела. Люди снуют вокруг, изо всех сил стараясь не выбиваться из нормального течения жизни. У всех есть какая-то цель: куда-то прийти, с кем-то встретиться, купить что-то бессмысленное, что-нибудь съесть, выполнить какую-то работу. У всех, кроме нее. Эта книга, «Анна Каренина», возможно, действительно интересная, но когда ей все это читать? Она уже пробежала глазами краткое изложение сюжета в Википедии. И, наверное, можно было бы взять в биб-

блиотеке один из фильмов, снятых по этой книге. Элли берет свой рюкзак и, лавируя в толпе людей, вышедших прогуляться по магазинам, направляется в стоматологическую клинику. Девушка в регистратуре, сверившись с расписанием на компьютере, соглашается записать ее на осмотр на следующую неделю. Полученный от нее талон на прием к стоматологу поможет Элли оправдаться за свое отсутствие на уроках, и на следующей неделе ей нужно будет проделать то же самое. Затем Элли направляется в торговый центр «Гэллериз», проходя мимо магазинов с наклеенными на витринах стикерами, сообщающими о январских распродажах. Она останавливается перед книжным магазином «Уотерстоунз» и, прежде чем войти, смотрит на свое отражение в витрине. Это очень странное отражение – размытое и призрачное, как будто не совсем человеческое. Подбородок в прыщиках, собранные на затылке волосы, школьная форма, которую нужно было заменить на новую еще в начале учебного года, потертые туфли. Не то чтобы она слишком выделялась из общей массы; большинство ее одноклассников были из семей, «попавших в трудную жизненную ситуацию», как называли их вежливо, а если невежливо и потихоньку – то из отбросов общества. Элли рада, что им удалось устроить Джеймса в школу получше, хотя ему приходится ездить туда на автобусе, вместо того чтобы добираться пешком за пять минут, как делала Элли, когда ходила в маленькую начальную школу рядом с домом. Он смысленный мальчишка, хотя несколь-

ко странный. И он заслуживает получить тот шанс, которого не было у нее. Элли еще некоторое время изучает свое отражение в витрине. Прежде всего она выглядит очень усталой. В пятнадцать лет человек не должен выглядеть таким усталым, если только он не отрывался всю ночь на вечеринке. Да уж, иногда дела так плохи, что остается надеяться только на случай... Элли задумывается о том, почему люди так говорят. Остается надеяться на случай. Случай постоянно нарушал течение ее жизни, и в этом уж точно не было ничего хорошего. Можно сказать, по воле случая она осталась без родителей. И не случайно ли так получилось, что бабушка начала выживать из ума вскоре после того, как отец попал в тюрьму? Или всему виной какие-то химические или биологические процессы или что бы там ни было, вызывающее деменцию? Случай ли то, что способности Джеймса оказались замечены и ему предложили перейти в другую школу, тогда как Элли – в два раза способнее его, а то и в десять раз, усмехается она про себя, – была вынуждена ходить в ту же начальную и ту же среднюю школу, что и другие дети с их улицы? В общем, было ли все случаем или нет, это редко приносило что-то хорошее.

Элли бродит между стеллажами, проводя пальцами по корешкам книг. Она любит книги, любит, как они мягко трепещут под тяжестью наполняющих их слов. Как бы ей хотелось, чтобы у нее было время их читать! Она идет дальше, таща за собой рюкзак, и в конце концов оказывается перед

стеллажом, где выставлена серия «Йорк Ноутс» – пособия с анализом литературных произведений. Там есть и книга по «Анне Карениной». Элли открывает ее и обнаруживает целую главу, посвященную цитате в самом начале романа (то есть эпиграфу), а именно: «Мне отмщение. Я воздам». Она перекачивает эти слова во рту, словно пробуя их на вкус и осторожно выпуская наружу:

– Мне отмщение. Я воздам.

Пенсионерка с обесцвеченными волосами и в спортивном костюме останавливается и смотрит на нее:

– Ты что-то сказала, детка?

– Мне отмщение, – повторяет Элли, хотя знает, что это не так и никогда так не будет.

Женщина смотрит на ее белую рубашку и галстук.

– Ты здесь работаешь, деточка? Я ищу «Сто лет одиночества». Мы собираемся обсуждать эту книгу в нашем книжном клубе.

Элли пожимает плечами.

– Никогда не слышала про такую.

– Я тоже. Звучит весьма мрачно. – Она больно толкает Элли своим костлявым локтем. – Я имею в виду, что «Сто лет одиночества» – это как будто про то, как проходит каждый вечер у меня дома. Он засыпает в своем кресле часов в семь. То есть не сказать, что мне так уж хочется, чтобы он не спал, когда я пытаюсь смотреть телевизор, и спрашивал меня, что происходит и кто есть кто каждые пять минут. Эти

шведские фильмы хуже всего. Все в огромных джемперах, какие-то все убогие, и серийные убийцы повсюду. То есть я вообще-то люблю криминальные детективы, но ох уж эти субтитры. Мой муж совсем ничего не может понять. Каждые пять минут спрашивает: «а это кто такая?» или «а он тут что делает?» Так ты уверена, что никогда не слышала про такую книгу? По-моему, это какой-то испанский автор. Какое-то испанское имя, во всяком случае. Лучше бы мы взялись в клубе за «Пятьдесят оттенков серого». Такого у меня дома точно нет. – Женщина громко хихикает. – Ну ладно, детка, пойду спрошу про книгу на стойке.

Женщина уходит, и Элли некоторое время смотрит ей вслед, после чего переводит взгляд на книгу, которую держит в руках. Можно было бы пойти и взять ее в библиотеке. Но нет, закусив губу, Элли открывает свой рюкзак и запикивает туда книгу. Затем она направляется к выходу, высоко подняв голову и глядя всем сотрудникам магазина прямо в глаза, мысленно бросая им вызов, чтобы они остановили ее, отвели в подсобное помещение, вызвали полицию, вывернули наизнанку всю ее жизнь.

Остается надеяться на случай.

8

Телефонный звонок

Телефонный звонок застаёт Глэдис за просмотром новостей. Показывают репортаж об астронавте, который разговаривал с маленькой девочкой на Земле. Кажется, он довел ее до слез, хотя другой человек, с черными волосами, в костюме и галстуке, из космического центра, говорит, что она, видимо, просто переволновалась из-за разговора с настоящим астронавтом. В студии на диване сидит пара приглашенных гостей, а человек из космического центра находится на большом экране позади них. У него такие кустистые брови, что их просто невозможно не заметить.

– Дело в том, что теперь, когда у нас есть Тим Пик, мы ждем, чтобы наши астронавты были не просто астронавтами, – говорит блондинка в бежевом костюме, сидящая слева от ведущего. – Мы ждем, чтобы они были знаменитостями.

По другую сторону от ведущего сидит мужчина в толстых очках и с взъерошенными волосами. С виду он похож на ученого.

– Но он вовсе не знаменитость. Его задача – заниматься своей работой. Большую часть той половины года, что займет полет на Марс, он должен выполнять изо дня в день четко определенный круг обязанностей. Он отправился туда не для того, чтобы развлекать нас.

– Что ж, скажите об этом спонсорам этой миссии, – не понимает женщина. – Скажите об этом школьникам, чьи надежды и мечты летят сейчас вместе с «Арес-1». Британцу предстоит стать первым человеком на Марсе. На этом месте должен быть действительно достойный астронавт, а не какой-то там... брюзга.

Человек из космического центра на большом экране шевелит бровями.

Глэдис сидит в своем кресле у камина, пытаясь понять, сколько овсяного печенья она уже съела и не хочется ли ей еще.

«Кто это, интересно?» – шурясь, она смотрит на экран телефона. Там высвечивается какой-то номер – более длинный, чем те, с которых ей обычно звонят. Должно быть, это из-за границы. Ей нравится разговаривать с людьми из-за границы.

– Слушаю, – произносит Глэдис в телефонную трубку громко и медленно, на случай если действительно звонят из-за границы.

Раздается шипение, затем пауза, и наконец мужской голос произносит:

– Э-э-э. Это последний номер, который у меня был... А это, собственно?.. Нет, я уже понял, что это не она... но это телефон Дженет? Она где-то там?

– Кто говорит?

– А вы кто? – спрашивает голос.

Не сказать чтобы Глэдис очень нравился его тон.

– Нет, сначала вы ответьте. Это же вы мне позвонили.

– Слушайте, это телефон Дженет или нет?

О-о-о! Он разговаривает таким голосом, что Билл наверняка назвал бы его мерзким занудой.

– Дженет... – Глэдис копается в своей памяти. – Да, я знаю Дженет. А кто говорит, простите?

Голос в трубке становится довольно взволнованным, но потом человек, как кажется, старается успокоиться.

– Ну это я... Томас. Я могу с ней поговорить?

– А я только что видела по телевизору человека по имени Томас. – Глэдис решает все же съесть еще одно овсяное печенье. – Он сейчас в космосе. И он разговаривал с маленькой девочкой.

– Да! – восклицает человек. – Это я и есть! Томас Мейджор! Человек, летящий на Марс! Я муж Дженет. Она там?

Глэдис хмурится.

– Вы довели до слез маленькую девочку.

– Нет, это не так. Просто ей не пришло в голову ничего лучше, как задать банальнейший вопрос... А потом связь прервалась, когда мы разговаривали... Но с кем я все-таки говорю? Вы не могли бы позвать к телефону Дженет?

– А вы правда звоните из космоса? – Глэдис берет овсяное печенье и щурится на него. А что, если бы Луна была гигантским печеньем? Она откусывает кусочек. Вот теперь она убывает. Луна-печенье. Так ведь говорят, когда она ста-

новится меньше? Убывает.

– Да, я правда звоню из космоса, – говорит человек. Томас.

– И вы утверждаете, что вы муж Дженет? – Сейчас ей не помешала бы чашечка чая, чтобы запить печенье. – А не вешаете ли вы мне лапшу на уши?

Наступает короткая пауза.

– Что ж, если уж соблюдать предельную точность, если вы сотрудник полиции точности, которой Дженет поручила отвечать по своему телефону, то да, полагаю, вы правы – я на самом деле не ее муж. Полагаю, я ее бывший муж. То есть я хочу сказать, что это именно так – я ее бывший муж.

– Я так и думала, что вы вешаете мне лапшу на уши! – торжествующе восклицает Глэдис. – Дженет была замужем за другим типом. Не могу вспомнить сейчас его имя.

– Вы имеет в виду Неда? – спрашивает Томас через многие мили космического пространства. – Того человека, с которым она жила? О! Так значит... Постойте, вы сказали «была замужем» – получается, уже нет? Она вышла замуж и развелась? Кстати, кто вы все-таки? Ну в конце концов?

– Она не развелась, а овдовела. Он умер. Кажется, у него была эмфизема.

– Эмфизема. Черт побери. – Повисает долгая тишина. – Послушайте, еще раз спрошу. Кто вы? Я подумал было, что вы мама Неда, но, очевидно, нет. И почему у вас телефон Дженет? Вы с ней работаете?

– Это не телефон Дженет, – холодно отвечает Глэдис. – Это мой. Я сомневаюсь, что Дженет Кростуэйт умеет пользоваться подобными телефонами, если у нее вообще какой-нибудь есть.

– Дженет... Кростуэйт?

Глэдис снова начинает говорить громко и медленно. На этот раз все намного хуже, чем со звонками из-за границы.

– Дженет Кростуэйт. Мы с ней работали вместе на швейной фабрике. Я думала, что вы должны быть посообразительнее, раз вы космонавт. А почему вы вообще звоните сюда и спрашиваете про Дженет Кростуэйт?

– О боже! Этот номер принадлежал моей жене. Моей бывшей жене. Дженет Мейджор. Или Изон, полагаю, если она вернула себе свою девичью фамилию. Так, значит, вы вовсе не знаете ее?

– Она не работала воспитательницей, переводившей детей через дорогу, в начальной школе Святого Михаила?

– Нет. – Томас вздыхает. – Она адвокат. С какой стати ей переводить этих чертовых детей через дорогу?

– Что ж, я знала только этих двух Дженет, так что, думаю, с вашей я незнакома.

Нет, определенно, чашка чая сейчас не помешает.

– А, – говорит Томас. – Ну ладно. И... думаю, мне стоит извиниться, что побеспокоил вас.

– Я тоже так думаю. Знаете, вы весьма бесцеремонный тип. А вы действительно звоните из космоса? То есть прав-

да-правда? Или это очередная ваша лапша?

– Да, – отвечает Томас. – Я звоню из космоса.

– И как там?

– Что?

– Как там, в космосе?

– Холодно. Безжизненно. Темно. Примерно так, как вы себе и представляете.

– Звучит так, словно это про Моркам, – фыркает Глэдис.

– Ладно, – говорит Томас. – Спасибо вам. И могу я попросить вас, чтобы вы никому об этом не рассказывали? А то, возможно, у меня возникнут какие-нибудь неприятности. Хотя если подумать, то по большому счету они вряд ли что-то могут мне сейчас сделать.

– Этот секрет останется при мне, – обещает Глэдис. – Буду держать рот на замке. Кстати, а что вы такого сделали?

– Сделал? Что вы имеете в виду?

– Для того, чтобы она вас оставила. Из-за чего вы развелись. С той вашей Дженет. Мужчины всегда что-то делают. Это было вранье? Или просто грубость?

Шипящая тишина длится так долго, что Глэдис начинает уже думать, что Томас положил трубку. Но в конце концов он произносит:

– Думаю, это, скорее, было из-за того, чего я не делал.

– Что ж, зато теперь вы кое-что сделали, – говорит Глэдис. – Вы полетели в космос. – Она направляет пульт на телевизор. – Ладно, тут скоро начнется шоу «Свободные жен-

щины». Счастливого вам пути!

Она нажимает кнопку на телефоне, чтобы отключиться, после чего задумчиво разглядывает свое овсяное печенье.

Да, на этот раз было нечто совершенно ни на что не похожее.

Нужно сказать Элли, чтобы она не покупала больше печенье в темном шоколаде.

#ВызываюмайораТома

Через два дня после трагической смерти Теренса Брэдли, командира авиакрыла в прошлом, у всех на устах было имя Томаса Мейджора. Директор Бауман думал о том, насколько проще была бы жизнь, если бы все вышло наоборот: если бы это Томас Мейджор скончался от внезапной остановки сердца из-за невыявленной врожденной патологии (и Бауман сурово требовал бы ответа от начальника медицинской службы – человека с квадратной челюстью и фашистской выправкой учителя физкультуры, сидевшего в этот момент рядом с ним за овальным столом в зале совещаний, – почему врожденное заболевание сердца оказалось не обнаружено), а Теренса Брэдли чествовали бы как первого человека, отправляющегося на Марс.

Дождь барабанит в окна, а директор Бауман сидит во главе стола в ЗДЭСТУПе. На самом деле эта комната обычно носит более прозаическое название «Зал совещаний А» и выглядит примерно так же, как и все другие залы совещаний: синяя ковровая плитка, белый подвесной потолок с неизменным следом подтека, широкие окна с открывающимся видом на парковки, круговые перекрестки и газоны вдоль дорог. Однако это не обычный зал совещаний, потому что директор Бауман некоторое время назад решил пре-

вернуть его в комнату заседаний по особым случаям и придумал для него название ЗДЭСТУП, что означает «Зал для экстренных совещаний только уполномоченных представителей». Сокращение, правда, получилось весьма неуклюжее, и после того как Бауман разослал всем по электронной почте письма с распоряжением явиться в этот день на специальное заседание в ЗДЭСТУП, ему пришлось отвечать на телефонные звонки и объяснять каждому, что такое ЗДЭСТУП. Впрочем, директор Бауман уверен, что сотрудники привыкнут к этому названию, а оно, несомненно, придает особый вес – и да, надо признать, некий таинственный шарм в духе Джеймса Бонда – всему их проекту. А сейчас Бауман сидит и смотрит поочередно на всех руководителей отделов БриСпА, всех этих людей, находящихся под его началом и ответственных за работу Британского космического агентства. Все эти головы, по отдельности или вместе, должны найти решение, которое поможет вытащить БриСпА – и самого директора Бауман – из той задницы, где они оказались.

– Что ж, давайте проведем быструю переключку. Это поможет нам освоиться с новыми названиями ваших должностей, которые я представил вам в прошлом месяце.

Клаудия из пиар-отдела с обреченным видом закатывает глаза.

– Инспектор по рекрутингу персонала?

Некогда просто начальник кадровой службы, маленькая полная женщина со стальным взглядом молча кивает.

– Руководитель мультиплатформенного обеспечения безопасности?

Некогда просто начальник службы безопасности, коротко стриженный здоровяк смотрит на Баумана.

– Служба обеспечения спутниковой связи?

Бородатый мужчина, охотно оставшийся бы просто Ай-Ти-специалистом, машет рукой.

– Руководитель проекта «Покорение Марса»?

Все хихикают, а кудрявая женщина, двадцать пять лет упорно трудившаяся ради того, чтобы быть на переднем рубеже британских исследований космоса, хмурится, слыша это наименование, отдающее дешевой комедией.

Бауман поднимает глаза. «И наконец...».

Клаудия вскидывает руку:

– Руководитель пиар-отдела. Я не могу даже запомнить тот безумный набор слов, которым вы обозвали мою должность, но не будем об этом. Я руководитель пиар-отдела. И я здесь.

– Итак, – произносит Бауман с максимальным энтузиазмом, на какой он только способен. – Мы плывем вверх по реке дерьма, но весла еще не изобретены. Какие будут идеи?

Начальник Ай-Ти-отдела нерешительно поднимает руку. Его отдел размещается в цокольном этаже и, как кажется, представляет собой сборище заросших волосами мужчин, постоянно носящих крошки от сэндвичей и пирогов в своих бородах (и никто, кроме директора Баумана, не называет их

Службой обеспечения спутниковой связи).

Бауман кивает:

– Да. Вы.

– Строго говоря, разве мы могли бы плыть вверх по реке, если бы у нас не было весла? Скорее мы плыли бы вниз по течению.

– Исчезните, – говорит Бауман.

Мужчина продолжает сидеть на своем месте, с недоумением озираясь. Бауман вздыхает:

– Ладно, впрочем, оставайтесь, только помалкивайте. У кого-нибудь есть какие-либо конструктивные предложения по решению проблемы с Томасом Мейджором?

Руководитель мультиплатформенного обеспечения безопасности проводит рукой по своей коротко стриженной голове и поднимает бровь. У него пороссячьи глазки и внушительное прошлое в правоохранительных органах и армии. Его зовут Крэйг. Бауман не уверен, имя это или фамилия, но именно так все его называют. Бауман предоставляет ему слово, и Крэйг, внимательно посмотрев каждому из присутствующих в глаза, произносит:

– Несчастный случай. Может произойти.

Бауман округляет глаза.

– Вы предлагаете, чтобы мы... что? Убрали с дороги Томаса Мейджора? – он неистово машет молодому человеку, ведущему протокол заседания. – Ради бога, не записывайте этого.

Поросячьи глазки прищуриваются.

– Нет, я сказал «несчастный случай».

Бауман щиплет себя за нос большим и указательным пальцем.

– Клаудия. Уж вы-то можете высказать какое-то разумное предложение.

– Безусловно, – говорит Клаудия, откидывая волосы и проводя пальцами по своему айпаду.

– Слава богу, – восклицает Бауман. – И что вы предлагаете?

Клаудия улыбается.

– Мы его выпроводим.

Бауман широко открывает один глаз.

– Мы уволим Томаса Мейджора? Мы можем это сделать?

Но на каком основании?

– Нет. Мы не уволим его. Мы его выпроводим. На Марс.

Бауман принимается перебирать бумаги, лежащие перед ним на столе, – не для того, чтобы навести в них порядок, а чтобы просто занять свои руки, жаждущие протянуться к чьей-нибудь ближайшей шее и сдавить ее изо всех сил.

– Прошу прощения, – говорит он как можно бодрее, – но на минуту мне показалось, что вы предлагаете, чтобы Томас Мейджор... – обычный технический сотрудник-химик, который, воспользовавшись моментом, решил нацепить на себя скафандр умершего астронавта и предстать перед мировой прессой под видом первого человека, отправляющегося

на Марс, – чтобы он действительно стал первым человеком, полетевшим на Марс.

– Именно так. – Клаудия указывает пальцем с безупречным маникюром на пустой экран за спиной Баумана. – Вы не возражаете?..

Он машет рукой в знак согласия, и Клаудия, подключив свой айпад к экрану через беспроводное соединение, делает знак, чтобы погасили свет. Ее пальцы производят быстрые манипуляции с гаджетом, и ее ногти при этом стучат по сенсорному экрану, словно насекомые, отбивающие четку. Первое, что появляется на экране, – это видеорепортаж «Би-би-си» о пресс-конференции. Бауман издает тяжелый вздох, когда Клаудия делает звук громче и он слышит свой собственный голос:

– А теперь с огромным удовольствием представляю вам человека, которому предстоит первым ступить на Марс...

Затем камера скользит вправо, вспышки стихают и на экране появляется Томас Мейджор, который кажется слегка шокированным, но потом робко машет рукой и произносит свое имя.

Перед камерой вновь предстает Хув Эдвардс в студии, и вид у него почти впечатленный.

– И вот пожалуйста... первым человеком на Марсе станет британец... англичанин, конечно же... По имени Томас Мейджор. Журналисты уже окрестили его майором Томом... Он был представлен прессе в тот самый день, когда

пришло известие о смерти Дэвида Боуи. – Эдвардс критически смотрит на листок бумаги, словно оценивая, верить ли тому, что там написано. – И все это, по заявлению Британского космического агентства, является чистым совпадением...

Затем Клаудия сворачивает видео и принимается демонстрировать подборку первых полос газет. Большинство из них представляют собой вариации на более чем очевидную тему.

«Миррор»: «ВЫЗЫВАЮ МАЙОРА ТОМА».

«Сан»: «ЗЕМЛЯ ВЫЗЫВАЕТ МАЙОРА ТОМА».

«Гардиан»: «БРИТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА МАРС ОТДАЕТ ДАНЬ ПАМЯТИ ЛЕГЕНДАРНОМУ БОУИ».

«Телеграф»: «В НЕБЕ ЖДЕТ ЗВЕЗДНЫЙ ЧЕЛОВЕК – И ОН ИЗ БРИТАНИИ».

И, конечно же, вполне предсказуемые отклонения.

«Мейл»: «НЕ ВЫЗОВЕТ ЛИ ПРОЖИВАНИЕ НА МАРСЕ РАК У МАЙОРА ТОМА?»

«Экспресс»: «ВЛИЯТЕЛЬНЫЙ ТОРИ ПРЕДЛАГАЕТ ОТПРАВЛЯТЬ МИГРАНТОВ НА МАРС».

«Стар»: «ПОЧЕМУ МЕСТО ВЫСАДКИ МАЙОРА ТОМА ПОХОЖЕ НА ПРИНЦЕССУ ДИАНУ?»

– Хештег #ВызываюмайораТома до сих пор в топе в Великобритании, – говорит Клаудия и, покопавшись в своем теле-

фоне, показывает экран всем сидящим за столом в подтверждение своих слов. – Нас обсуждает весь «Фейсбук». Упоминания БриСПА в соцсетях просто зашкаливают, и на каждом новостном сайте есть фото с нашей пресс-конференции на главной странице. Нам звонят представители СМИ со всего мира с просьбами об интервью.

– Так, значит, теперь британскую космическую политику будет определять горстка постов в «Фейсбуке» и «Твиттере»? – произносит Бауман.

Клаудия снова проводит пальцем по своему айпаду, и на большом экране появляется фотография Томаса Мейджора из его личного дела.

– Нет, я такого не говорю. Но давайте уточним: речь идет вовсе не о «горстке» постов. Интернет буквально переполнен обсуждением всего этого. Томас Мейджор уже прочно поселился в национальном сознании как первый человек, отправляющийся на Марс. Образ майора Тома – это то, что обладает для всех особым очарованием. Все уже обсуждают, кто должен сыграть его в фильме. И вся эта ситуация с Боуи... на самом деле она сработала в нашу пользу, хотя мы ничего подобного не могли предвидеть.

Бауман опять пощипывает свой нос.

– Но... это все равно что выбирать астронавта на каком-нибудь шоу типа «Х-Фактора». С тем же успехом можно взять первого попавшегося на улице и отправить его на Марс.

Однако директор Бауман уже чувствует, что проиграл это сражение.

– Он химик, – говорит Клаудия. – Он здоров, – она многозначительно смотрит на начальника медицинской службы, – никаких врожденных и прочих заболеваний. Каждый день совершает пробежку. Никаких родственников уз – разведен, детей нет, родители умерли, братьев-сестер тоже нет... вернее, у него был брат, но он умер в раннем возрасте. Кроме того... – Клаудия покусывает губу. – Я провела опрос среди женщин в офисе – так сказать, неофициально, без претензии на какую-либо научную достоверность.

– И? – вопрошает Бауман.

– И... – произносит Клаудия, понижая голос до заговорщицкого шепота. – Он очень даже секси.

Бауман еще раз внимательно изучает фотографию Томаса на экране.

– Секси? Вы хотите сказать, что этот надушенный химик в возрасте хорошо за сорок, с торчащими волосами и коллекцией ручек в кармане лабораторного халата... – что он якобы кто?.. Главный Казанова БриСПА?

– Ну, на самом деле ни у кого с ним ничего не было, никаких таких отношений. И, думаю, до настоящего момента никто даже не рассматривал его в таком плане. Однако в нем все же что-то есть, что-то неуловимое. Возможно, его ранимость. Он слишком сварливый, это правда, но женщины в результате видят в нем частичку своих мужей, или парней,

или даже отцов... а то, что он отправляется в путешествие в один конец, на Марс, делает его недостижимым... так что они могут преспокойно рисовать его в своих мечтах, не беспокоясь о том, что им когда-нибудь придется спать с ним в реальности.

Бауман потирает подбородок, снова смотрит на фото и затем переводит взгляд на Клаудию.

– А вы рисуете его в своих мечтах?

На лице Клаудии впервые проскальзывает некоторое замешательство. Бауману еще не доводилось видеть в ней ничего подобного – он всегда считал ее своего рода Снежной королевой. Клаудия отмахивается от вопроса:

– Ну я же сказала, что мой опрос не претендует на какую-либо научную достоверность.

Инспектор по рекрутингу персонала подается вперед и стучит концом своей шариковой ручки по столу.

– Факт тот, что Мейджор поставил нас в весьма сложное положение. Никто из всех этих людей слышать не слышал о Теренсе Брэдли, никто даже не знает, что он когда-либо существовал. Но все любят майора Тома. Так что, если мы дадим задний ход, сделаем заявление, что на самом деле все это ужасная ошибка и Томас Мейджор вовсе не летит на Марс – мы будем выглядеть настоящими идиотами, к тому же нам все равно нужно будет искать человека для этого полета. Полета в один конец, если вы не забыли.

– Ничего подобного, – возражает руководитель проекта

«Покорение Марса». – Согласно нашему плану, астронавт должен установить жилые модули и подготовить базу для последующих полетов и создания поселения. По нашим расчетам, при прочих равных условиях там можно будет выжить в течение десяти лет. Даже двадцати, если удастся быстро и эффективно наладить систему обеспечения жизнедеятельности.

– Ему потребуется специальная подготовка, – произносит Бауман, сдаваясь. – Он должен будет поехать в Россию. И нужно будет провести полное психологическое обследование, прежде чем вообще что-либо начинать.

– Мы уже приступили к этому, – говорит Клаудия. – Он прошел вчера предварительное обследование. И хотите знать, что самое забавное? Он говорит, что одним из решающих моментов его жизни был поход с отцом в кино на «Звездные войны», когда ему было восемь лет.

10

Вновь 11 февраля 1978 г

Во время сражения шпионам повстанцев удалось выкрасть секретные чертежи новейшего оружия Империи – ЗВЕЗДЫ СМЕРТИ – бронированной космической станции, способной уничтожить целую планету.

Преследуемая злобными агентами Империи, принцесса Лея спешит домой на своем звездолете вместе с похищенными чертежами, которые могут спасти ее народ и вернуть свободу Галактике...

Больше часа Томас сидит, замороженный фильмом, не отрывая взгляд от экрана и машинально засовывая в рот попкорн и «Ревелз», пока они не заканчиваются. Лишь когда призрачный голос Оби-Вана звучит в кабине Люка – Дарт Вейдер идет за ним по пятам, – Томас внезапно выныривает из теплой и всепоглощающей вымышленной реальности. Оби-Ван как будто вместо отца, которого Люк никогда не знал, и эта мысль заставляет Томаса вспомнить про своего собственного отца и, в то время как истребители повстанцев отправляются в свою последнюю атаку на Звезду Смерти, он начинает размышлять о том, куда делся отец.

Томас направляется вверх по покатому полу с липким ковром и уже находится на полпути к выходу, когда продавщица мороженого хватается его за воротник. «Ты куда?» – ши-

пит она, светя ему в лицо пластмассовым карманным фонариком, словно на допросе. Томасу вспоминается фильм, где солдаты, попавшие в плен к немцам, говорят им только свое имя, звание и личный номер, и ему хочется сделать так же, но Дейрдре все-таки взрослый человек и даже что-то вроде надзирательницы, и он не уверен, что ему, восьмилетнему мальчишке, стоит с ней так шутить. Поэтому он предпочитает просто соврать: «Мне нужно в туалет».

Дейрдре щелкает языком – очевидно, мысленно взвешивая, тянут ли полученные ей два фунта (минус стоимость одного шоколадного мороженого) еще и на поход в туалет; но потом другой ребенок дергает ее за рукав, прося фруктовое мороженое на палочке, и она принимает решение: в конце концов, у нее есть своя работа, которую нужно выполнять, и она не нанималась следить за чужими детьми вместо где-то гуляющих отцов. Томас выскальзывает из дверей в вестибюль. Фильм, вероятно, должен скоро закончиться, потому что уже начали запускать новую очередь к кассе за билетами на следующий сеанс. Томас размышляет о том, удастся ли Люку уничтожить Звезду Смерти и узнает ли он когда-нибудь об этом вообще. Ему становится не по себе, когда он видит, что на улице уже совсем темно: сколько же времени он пробыл один? Опустив голову, Томас проталкивается через толпу людей, ожидающих сеанса, и выбирается наружу – на холодный, колючий вечерний воздух.

Томас гадает, что это за сюрприз для мамы, из-за кото-

рого отец пропустил целый фильм. Было бы здорово, если бы мама пошла вместе с ними, но ей нездоровится каждое утро, и она бродит по дому, держась за живот или потирая поясницу. Все говорят, что Томас, конечно же, ждет не дождется братика, с которым они смогут вместе играть. Но сам Томас думает лишь о том, что этот братик, наверное, станет жевать его фигурки героев из «Звездных войн» и ломать его пластинки. Но, может быть, в отличие от Томаса, брат будет больше интересоваться футболом. Если бы Томас лучше разбирался в футболе, то отец, возможно, и не оставил бы его сейчас одного в кино. Но, увы, Томас совсем в нем не разбирается. Он пытался, делая все возможное, но имена игроков и названия команд совершенно не держатся у него в голове.

С музыкой же все наоборот. Это происходит как-то само собой, без усилий: артисты, песни, лейблы звукозаписи, места в хит-парадах, продюсеры, «Б»-стороны пластинок – все это легко находит место в его памяти. Томас читает надписи на конвертах пластинок с тем же увлечением, с каким его отец изучает турнирные таблицы в воскресных газетах. Музыка... и еще Периодическая таблица элементов. Он не помнит, когда впервые увидел ее; возможно, в старом пыльном комплекте энциклопедий, которые вручил ему дедушка: когда-то они были куплены для его отца, но Фрэнк Мейджор не проявил к ним в детстве особого интереса. Томаса же всегда очаровывали эти упорядоченные ряды химических элемен-

тов – как будто кирпичиков «Лего», предназначенных для строительства всей Вселенной. Он выучил наизусть их все – от водорода до нобелия – и рылся в энциклопедии, чтобы узнать о каждом элементе, что он собой представляет, для чего необходим, когда был открыт и как реагирует с другими веществами. Томас наловчился пристраивать стопку синглов на старый проигрыватель «Дансетт» и ставил одну за другой песни детства и юности его мамы: слушая их, он изучал глазами Периодическую таблицу, закрепленную кнопками на стене.

Вообще-то Томасу запрещено переходить дорогу самостоятельно, но парковка находится на другой стороне, и к тому же дорога небольшая и машин совсем нет. Однако на улице темно, и Томаса начинают пугать закрытые наглухо окна заброшенных магазинов. Они кажутся ему мертвыми. Это вызывает у него воспоминание о фильме, в котором на Земле выжил лишь один человек, а все остальные заболели и умерли или превратились в вампиров с белыми волосами и мутными глазами. Улицы там выглядели именно так – безлюдными и пустыми, а в домах за окнами тем временем прятались монстры. Тот же самый актер был и в «Планете обезьян», что тоже было в некотором роде о всемирной катастрофе, хотя это становилось понятно лишь в финале фильма, когда главный герой нашел на пустынном берегу разрушенную статую Свободы. Поворачивая за угол к тому месту, где была припаркована машина, Томас задумывается о том,

что было бы самым-самым ужасом из всех этих ужасов всемирной катастрофы. Если бы парковка оказалась полна тех существ из «Планеты обезьян» или вампиров из того фильма, который, как он вспомнил, назывался «Человек Омега»?

Но ему не о чем беспокоиться, потому что на том самом месте, где они оставили ее, стоит сейчас машина отца, вибрирующая и выбрасывающая выхлопные газы в прохладный вечерний воздух, а горящий плафон над передними сиденьями дает в салоне автомобиля бледный, тусклый свет. Томас поднимает взгляд на небо. Полная луна стоит высоко. Хотя этого не может быть. Ведь луна на самом деле спрятана в кармане его рубашки. Томас бежит к машине по заледеневшим буграм грязи, видит отца за рулем, но, прижав ладони к покрытому ледяной глазурью окошку пассажирского сиденья, вдруг обнаруживает, что там уже кто-то есть. Это мама. Так вот какой был сюрприз! Отец сидит, подавшись к ней, закрывая ее лицо своим и прижимая руку к ее груди. Но потом вдруг мама вскрикивает и отталкивает отца, крича: «Боже мой, Фрэнк, тут ребенок!»

И тогда Томас понимает, что это не мама.

И он понимает, что отец солгал. В кармане Томаса нет никакой луны.

И еще он понимает, какой самый-самый ужас из ужасов можно увидеть на парковке. И это не вампиры с белыми волосами и мутными глазами. Это не обезьяны с оружием и на лошадях, поработившие людей. Вот он, ужас, думает Томас,

и горячие слезы льются из его глаз, а желудок, сжавшись, извергает на замерзшую землю поток мороженого, шоколада и попкорна.

Вот он, ужас.

Крестьянское восстание

Джеймс захлопывает входную дверь и направляется сразу наверх, игнорируя доносящиеся с кухни крики бабушки, спрашивающей, кто пришел. На середине лестницы слезы вновь одолевают его, и он останавливается, чтобы прижать к глазам кулаки. Внизу лестницы появляется бабушка и смотрит наверх.

– А, это ты.

Джеймс по-прежнему не обращает на нее внимания; глотая рыдания, он изо всех сил трет глаза, пока перед ними не начинают мелькать разноцветные звездочки.

– И ты только посмотри на свой пиджак, – с укоризной говорит бабушка. – Элли будет расстроена.

– Плевать на Элли.

Джеймс продолжает подниматься по лестнице и слышит, как бабушка со скрипом следует за ним. О боже, неужели нельзя оставить его в покое? Джеймс влетает в свою комнату, резко закрывает дверь и подпирает ее спиной. Там на крючке висит его халат, а под ним – толстый шерстяной джемпер отца. Он прижимается к джемперу лицом, вдыхая его запах – затхлости, цемента, старого пота. От этого ему становится еще хуже.

– Джеймс? – спрашивает бабушка, осторожно, тихонько

постучав в дверь. – Что ты хочешь на ужин?

– Капусту. Брокколи. У нас есть кале?

Бабушка смеется.

– Кале. Какое смешное слово. И я никогда не слышала, чтобы ребенок просил на ужин капусту.

– Я хочу стимулировать выработку метана в своем кишечнике, – бормочет Джеймс, все еще уткнувшись лицом в джемпер.

– Замечательно, – слегка неуверенно произносит бабушка и осторожно пробует открыть дверь. – Кстати, у нас, наверное, есть еще остатки рождественского пирога, если хочешь. Можно войти? Если ты дашь мне свой пиджак, то, может быть, я смогу оттереть с него грязь, прежде чем Элли вернется.

– Мне плевать, что думает Элли! – кричит Джеймс, отходя от двери и бросаясь на кровать.

Бабушка входит и прислоняется к дверному косяку. Мальчик снова кричит:

– Она мне не мама! И ты мне не мама!

– Конечно же нет, глупыш, – мягко говорит бабушка. – Джули нас покинула. Твоя мама.

– Спасибо, что напомнила, теперь мне намного лучше, – произносит в подушку Джеймс.

Бабушка, в своих мягких тапочках, отваживается сделать еще один шаг в его комнату.

– Но как тебя угораздило так испачкать пиджак? Ты играл

в нем в регби?

Продолжая лежать лицом вниз на кровати, Джеймс стаскивает с себя пиджак и бросает его на пол.

– Это еще что. Вот полюбуйся.

На спине его белой рубашки черным маркером написано слово «ДЕРЕВНЯ». Ниже нарисовано грустное лицо за вертикальными линиями – условное, но очевидное изображение человека, находящегося за решеткой. Джеймс бросает быстрый взгляд на бабушку. Она хмурится. Потом произносит скороговорку: «Я не ошипыватель фазанов, я сын ошипывателя фазанов; я просто ошипываю фазанов, пока не придет ошипыватель фазанов».

– Я могла бы сказать все это и после трех бутылок стаута, – широко улыбается она.

– О боже, оставь меня в покое, пожалуйста.

Бабушка поднимает с пола пиджак.

– Пойду приготовлю тебе капусту. И посмотрю, есть ли у нас это... как ты сказал? Кале? Это, должно быть, в пакетах?

– Оставь меня! – кричит Джеймс и зарывается лицом в подушку до тех пор, пока бабушка не уходит.

Это его постоянные преследователи. Те, которые плюют в него жеваной бумагой через пустую ручку, ставят подножки в коридорах, толкают в столовой, возят лицом в грязи во время игры в регби. Те, которые считают себя выше его и которым не по нраву, чтобы к ним в школу возили мальчишку

из бедной семьи, соображающего лучше, чем они сами. Они ловят его по дороге к автобусу.

– О, смотрите-ка, деревенщина!

– Голубок!

– Ботан!

– Едешь домой в свой сарай, голубок? На деревенском автобусе?

– А чего твой отец не забирает тебя на машине?

– Да его папаша сидит в тюрьме. Он же уголовник.

– И тоже, наверное, голубок. Они ведь там в душе не только моются. Кое-что еще, да ведь?

– А где твоя мама, ботан?

Затем они, как и следовало ожидать, завывают вразнобой «Куда ушла твоя мама?» из песни «Chirpy Chirpy Sheer Sheer» и, ободренные внезапно хлынувшими в бессильной ярости слезами Джеймса, стаскивают с него пиджак, втаптывают его в грязь и рисуют что-то на спине его рубашки. Этот рисунок – как он только что видит, сняв испорченную рубашку, – изображает человека, сидящего в тюрьме.

Джеймс слышит, как хлопает входная дверь и Элли говорит:

– О боже, что это за смрад?

Она права, у них в доме стоит ужасный запах канализации и старых носков.

– Это капуста на ужин Джеймсу, – кричит бабушка. – Для выработки метана. А у нас есть кале? Или брокколи?

– Метана? – кричит в ответ Элли, и Джеймс слышит, как она с грохотом несется вверх по лестнице. Он даже не пытается сказать ей не входить. Элли стоит в дверном проеме и смотрит на него, лежащего лицом вниз на кровати, в одних брюках, потом ее взгляд останавливается на его рубашке.

– О боже! – восклицает она и приседает на корточки, чтобы поднять рубашку. – О боже! Ты испортил за один день две рубашки.

– Вообще-то я ничего не портил. Первую сожгла бабушка, а эту...

Джеймс поднимается на кровати и смотрит на Элли, которая сидит на корточках в своей школьной форме и, прищурившись, разглядывает изрисованную рубашку.

– Кто это сделал? В школе? Джеймс, тебя опять травят?

Он грустно кивает, чувствуя, как уголки его рта опускаются против его воли и слезы вновь льются из его глаз. Элли садится рядом с Джеймсом, заключает его в свои объятия, и запах ее кофты действует на него почти так же умиротворяюще, как джемпер отца.

– Ты можешь что-нибудь сделать? – спрашивает он, уткнувшись ей в плечо и хлюпая носом.

– Тс-с, тс-с, все нормально, – шепчет Элли. – Нам нужно просто держаться...

– Но я хочу, чтобы ты что-нибудь сделала, – уже сердито говорит Джеймс. – Сходи в школу! Скажи им!

– Это невозможно, – мягко произносит Элли. – Нельзя

ничего пока говорить... ты же видишь бабушку. С ней все хуже и хуже, понимаешь? Ты же знаешь, что будет, если мы привлечем к себе внимание...

Джеймс кивает.

– Они скажут, что бабушка не может опекать нас. Тогда ее сдадут в дом престарелых, а нас – в приют.

– Нас разлучат, – подтверждает Элли. – И я не хочу, чтобы это произошло.

– Но она все равно не может заботиться о нас. Это делаешь ты.

– Но я еще недостаточно взрослая. Мне всего пятнадцать. Бабушка, по крайней мере, имеет право быть нашим опекуном, – объясняет Элли.

Они некоторое время молчат, думая обо всем этом.

– Я ненавижу отца.

– Нет, неправда, – говорит Элли. – Ты злишься на него, мы все злимся. Он совершил ужасную глупость. Но нам нужно просто продержаться... он скоро освободится. Еще всего несколько месяцев.

– Почему мы не можем поехать повидаться с ним?

Элли вздыхает.

– Потому что они держат его в Оксфордшире, так как здесь не оказалось для него места. И если мы захотим организовать свидание, то бабушка должна будет поехать с нами, а в том состоянии, в каком она находится в последний месяц... мы просто не можем рисковать, Джеймс.

Джеймс отстраняется от сестры.

– Ну почему у нас не такая семья, как у всех?

Затем входит бабушка, несущая в руках тарелку, распространяющую отвратительный запах.

– А вот и капуста! – гордо объявляет она. – Я не смогла найти у нас брокколи или кале, поэтому положила туда еще мозгового горошка.

Джеймс хватается руками за голову.

– О боже!

Бабушка ставит тарелку на его прикроватный столик.

– О, а сейчас я тебя развеселю. Угадай, кто звонил мне сегодня по телефону.

– Санта-Клаус? – спрашивает Джеймс.

– Нет! Астронавт! Тот самый, из новостей.

Джеймс моргает, глядя на бабушку.

– Майор Том? Который летит на Марс?

– Он самый! – со счастливым видом подтверждает она.

– Но почему? – спрашивает Джеймс, вытирая слезы.

– Не знаю! Он хотел поговорить с Дженет Кростуэйт.

– Господи! – кричит Элли, поднимаясь и швыряя в Джеймса его скомканную рубашку. – Боже ты мой! Ни с каким майором Томом она не говорила! Она не разговаривает ни с кем, кроме нас с тобой, а все остальные – только у нее в голове.

Элли выбегает из комнаты, и потом слышно, как хлопает дверь ее спальни. Раздается далекий, глухой звук чего-то

упавшего, и Элли снова кричит. Джеймс толком не слышит, что именно, но ему удается разобрать слова вроде «ненормальная», «несуразная» и «несчастливая».

Здесь жила Глэдис Ормерод

Глэдис Ормерод вовсе не глупа. Она понимает, что с ней происходит. Понимает, что на самом деле все это болезнь – какое-то нарушение в ее мозге, а не просто приступы забывчивости или рассеянности. Иногда ей так даже легче – знать, что все дело в болезни и она ничего не могла сделать, чтобы этого избежать. Иногда Глэдис тешит себя надеждой, что в конце концов для ее недуга найдут лекарство. Правда, до сих пор не умеют толком лечить даже простуду. На своем ноутбуке она часто ищет в Интернете информацию об этой болезни и читает все о белках и каких-то клубках и бляшках. Клубки – это звучит не так уж и страшно, Глэдис вспоминаются при этом спутанные волосы, которые мама в детстве с остервенением ей расчесывала. Именно это происходит теперь в ее голове – все стало каким-то спутанным. Глэдис представляет себе, что у здорового человека в мозгу тянутся прямые линии – начиная с момента рождения и до смерти – и более ранние воспоминания остаются где-то вдали, как рельсы железной дороги. А у таких, как Глэдис, эти линии перекручиваются и запутываются, завязываются узлами. Случай сорокалетней давности может сверкать, как новый пенс, а что-то, произошедшее этим утром, кажется далеким и смутным. Бляшки – это как будто синие памятные таблич-

ки, которые устанавливают на домах известных людей. Здесь жили умственные способности Глэдис Ормерод, 1946–2015.

Именно тогда она окончательно осознала свою болезнь. В 2015-м. Всего два года назад. Вероятно, эта напасть начала потихоньку подкрадываться к ней еще раньше, как киношный злодей, в черном плаще и с усами, которые он крутит своими длинными тонкими пальцами. Некоторое время болезнь сидела тихо, пока однажды не набросилась на нее – и Глэдис уже не могла вспомнить, что ела на завтрак, даже если как раз после него мыла посуду. Она знает, что дальше будет только хуже. В некотором смысле ей даже хочется, чтобы наступило время, когда она сможет жить полностью в своих старых воспоминаниях, до самого конца. Она, Глэдис Ормерод, никогда не была особо религиозной, ничего подобного, хотя мама всегда тянула ее в церковь по утрам в воскресенье, когда она была маленькой. Однако в последнее время, следует признать, Глэдис стала как будто перестраховываться... тихонько упрекать людей, когда они богохульствуют, и все такое. Так оно спокойнее. Иногда она размышляет о том, не это ли и есть рай – жить погруженным в свои воспоминания, только хорошие, только самые дорогие. Именно там сейчас Билл, а не в холодной, грязной могиле на кладбище Уигана. Он живет в ее воспоминаниях. Он живет там, дожидаясь ее.

Однако Глэдис знает, что она не может уйти – по крайней мере, сейчас. До тех пор пока Даррен не вернется домой. Она

дала ему слово, что позаботится о детях, Элли и Джеймсе, пока он не освободится. Какой же он все-таки дурень, угораздило его так вляпаться. И такое несчастье с Джули. Да, а ведь некоторые говорили, что они не протянут долго вместе. Ее Даррен был ужасным мечтателем, а Джули всегда стояла обеими ногами на земле. Хотя как там говорят? Противоположности притягиваются. Какой там был ответ в той викторине, которую она смотрела на днях? Ей еще пришлось искать это в Интернете. Инь и что-то такое. Как два головастика. Big Yin⁶. А ведь это шотландский комик – такой, с бородой? Тот, который выступал в банановых ботинках. При воспоминании об этом Глэдис улыбается. Потом ее взгляд падает на конверты, лежащие на покрывале ее кровати, она закусывает нижнюю губу и улыбка пропадает с ее лица.

ЭТО НЕ РЕКЛАМНАЯ РАССЫЛКА.

Глэдис боязливо проводит ногтем большого пальца под клейким краем одного из коричневых конвертов и вытаскивает письмо. Оно напечатано красным шрифтом. Глэдис морщится и закрывает глаза. По телефону тоже уже звонили. Она выдернула телефонный шнур из розетки неделю назад, и дети, похоже, ничего не заметили. Они слишком поглощены своими мобильными телефонами. Глэдис открывает один глаз, и слово «ВЫСЕЛЕНИЕ» выскакивает перед ней, как розовый лосось. Она переворачивает письмо, чтобы не ви-

⁶ Прозвище шотландского комика Билли Коннолли, «Здоровенный» (*шотл. диалект*). (Прим. перев.)

деть ничего этого. Но уже поздно. Розово-лососевое слово пробирается в ее мозг, соединяясь со всеми ее клубками и бляшками.

«О, Билл, – произносит Глэдис. – Что же мне делать?»

«Мой дорогой принц Алуйси!

Как у тебя дела? Надеюсь, твои проблемы скоро будут решены. Видишь ли, у меня тоже сейчас возникли некоторые неприятности. Прошло уже много времени с тех пор, как ты впервые написал мне и поведал о своих трудностях, и, если честно, я не думала, что все это может так затянуться. Я понимаю, что у тебя, вероятно, нет возможности перевести мне все 4 миллиона долларов прямо сейчас, но, может быть, ты мог бы послать мне хотя бы немного? Скажем, тысяч пять? И желательно в английских фунтах, пожалуйста. Мои банковские реквизиты у тебя есть. Передавай привет своей прекрасной жене, принцессе.

С наилучшими пожеланиями,

Глэдис Ормерод (миссис)»

С современными детьми есть одна проблема: они не верят, что люди старшего поколения на что-то способны. И, вероятно, к «старшему поколению» они относят всех, кто старше двадцати – так же как для Глэдис сейчас люди лет пятидесяти всего лишь «парни» и «девушки». Когда Глэдис была маленькой, все было по-другому, это уж точно. Старших тогда уважали. Прежде всего потому, что они могли дать тебе подзатыльник, и никто при этом не бежал жаловаться в со-

циальную службу или Эстер Ранцен. Но дело было не только в этом. Отец Глэдис воевал в Бирме, а мама работала на военном заводе в Бич-Хилл. Даже ребенку было понятно, что это заслуживало уважения. Дети вырастали на примере старших. Люди поколения Глэдис – из тех, кто всегда просто берет и делает. Она закрывает глаза, и в ее памяти всплывает майский праздник в 1972-м. Даррен тогда был еще в коляске, и Глэдис с сестрой Билла, Уинни, отправились за пять миль на рок-фестиваль в Бикершо, чтобы посмотреть на хиппи. Что-то там, кажется, организовывал тот телеведущий, который сейчас уже умер – тот, у которого были смешная борода и одна рука меньше другой... который делал на телевидении шоу с розыгрышами. Однако это было уже намного позже. Тогда, в 1972-м, Глэдис о нем даже не слышала, но ей понравилось выступление некоторых групп. Они ходили на фестиваль в субботу и воскресенье; в воскресенье «Grateful Dead» выступали пять часов подряд, но они с Уинни не смогли остаться на все время, потому что с ними был Даррен в коляске. Им пришлось изрядно понадрываться, таща через поля эту коляску. Шел дождь, и вокруг была сплошная грязь, как на болоте. Когда Глэдис вернулась домой, промокшая до нитки, Билл сказал, что ничего глупее она не могла придумать. Сам он работал все выходные в «Хайнц».

Билл принес домой целую сумку помятых банок с консервированным супом из заводского магазина. Глэдис сидела перед пышущим жаром камином, несмотря на май, а Билл

приготовил для нее большую чашку куриного супа с грибами.

– Какая же ты дура, – говорил он, вытирая ее запотевшие очки краешком чайного полотенца. – Да еще и взяла с собой Даррена. Могло случиться все что угодно.

– Не думаю, что хиппи едят детей, – сказала Глэдис, прихлебывая суп с ложки. – Они оказались довольно милыми. Один парень, в джинсовом комбинезоне и цилиндре, пытался угостить меня и Уинни этой своей «травкой».

Билл ничего не сказал и уставился на оранжевое мерцание электрического камина.

– Думаешь, тебе лучше было бы выйти замуж за парня вроде того? Куда как веселее, чем жить со скучным стариной Биллом Ормеродом, работающим ночи напролет в «Хайнц».

Глэдис демонстративно задумалась на некоторое время.

– Что ж, наверное, это и могло бы произойти. Но я не уверена, что мне действительно хотелось бы прожигать жизнь с парнем в комбинезоне. К тому же скучный старина Билл Ормерод, как пели вчера «Kinks» – ты покорило мое сердце. Так что давай, иди, поцелуй меня, пока Даррен спит.

Это воспоминание сияет в ее памяти, как звезда в ночном небе, но Глэдис совершенно не помнит, в связи с чем она вообще начала думать об этом. Она рассуждала по поводу того, что дети сейчас понятия не имеют, на что способны люди старшего поколения. На что они были способны. И какую они прожили жизнь. Глэдис тогда было всего двадцать пять,

когда она отправилась в Бикершо с годовалым ребенком в коляске, слушать выступления рок-групп и смотреть на хиппи, куривших марихуану. Она была способна на многое. Она и сейчас способна на многое. Ее взгляд останавливается на кипе коричневых конвертов. Билла нет рядом с ней, и Даррена нет, и этого чертова принца Алуйси тоже нет. Глэдис должна действовать сама. Элли сказала ей не выходить из дома, но ведь ей стукнет семьдесят один год в следующий день рождения. Так что это она должна заботиться обо всех. Да и что плохого с ней может случиться? Она живет в Уигане всю свою жизнь. И она же не ребенок. Она сможет справиться со всем этим. Она должна справиться. Глэдис отправляется за своим пальто. На улице тепло и сыро для января. Той весной, когда она ходила в Бикершо, тоже было тепло и сыро. Сейчас говорят, что раньше лето было жарким, а зима холодной. Но люди помнят только самые хорошие и самые плохие времена. А все, что между ними – теплое, сырое и обыкновенное, пока не происходит что-нибудь необычное.

1800 градусов по Фаренгейту

Лето 1988-го выдалось дождливым и серым, но Томаса Мейджора это не волновало. Школа была позади, выпускные экзамены тоже. Ему восемнадцать лет, и в сентябре он отправляется на учебу в университет Лидса. Длинные каникулы ползут с приятной скоростью улитки.

И еще Томас влюблен.

Более того – и он не перестает этому удивляться, – эта любовь взаимна.

Ее зовут Лора, и они неразлучны с Рождества, когда, развеселившись от рома с колой, она вытащила его на танцпол на вечеринке, куда Томас зачем-то отправился несмотря на свое полное нежелание. Они танцевали под «Stop Me If You've Heard This One Before» группы «The Smiths»: вернее, это Лора танцевала, выделявая замысловатые движения на полусогнутых ногах и зажав в кулаках рукава наполовину сброшенной кофты, а Томас всего лишь неуклюже раскачивался, не попадая в такт музыки. Когда песня закончилась, Лора попросила заказать ей напиток, а потом полчаса пламенно критиковала Тэтчер. Она такая пылкая, и умная, и забавная, и очень, очень привлекательная. Даже сейчас, летом, Томас думает о том, когда же наконец упадет пелена с ее глаз и она посмотрит на него, хмурясь и недоумевая, как

так получилось, что одна пьяная ночь, закончившаяся поцелуем у дверей магазина с опущенными ставнями, могла так затянуться. Однако ничего подобного еще не произошло, и они оба подали документы и были приняты в университет Лидса: Томас – изучать химическую инженерию, а Лора – историю и политологию.

Когда Томас поднимается в то утро, идет дождь, как и все лето, но его это нисколько не огорчает. В кухне-столовой мама моет посуду и слушает окончание утреннего шоу на «Радио 1». Томас плюхается за кухонный стол и смотрит на стоящую у раковины маму: оранжевая юбка делает ее нижнюю часть практически незаметной на фоне кухонных шкафчиков из темной сосны. Утреннее шоу ведет Саймон Майо, который не слишком нравится маме – она не понимает, почему они убрали оттуда Майка Смита. В глубине души Томасу нравится Майо, хотя он молчаливо принимает ту истину, которую открыла ему Лора, что слушать «Радио 1» до начала вечернего шоу Джона Пила вообще «фу». Саймон Майо ставит «Heatwave» Марты Ривз и Ванделлас. Томас не слышал раньше эту песню и потом, после того что произошло в этот день, уже никогда не мог ее слушать.

«Остается только надеяться, что погода побалуует нас жарой», – говорит мама Томаса. Терезе Мейджор лишь немного за сорок, но она выглядит старой и морщинистой – и это с тех пор, как два года назад умер отец Томаса. На похоронах она отвела его в сторону и спросила: «Скажи наконец,

что произошло между вами? Вы же всегда были так дружны, когда ты был маленьким».

Два года назад, летом 1986-го, они стоят возле увенчанного куполом здания крематория на кладбище Кавершама, Хенли-Роуд, в ясный солнечный день. Собирается внушительная толпа людей – Фрэнк Мейджор был бы весьма доволен масштабом. Томас хмуро вглядывается во все лица. Здесь ли она? Та женщина, которая была тогда с отцом в машине у кинотеатра? Большинство присутствующих ему даже незнакомы. Среди них много женщин, и Томас думает о том, не отметился ли Фрэнк Мейджор с ними со всеми, если коллекционировать любовные интрижки в браке было для него таким же обычным делом, как строить планы о покупке новой машины, строительстве оранжереи и переделке чердака.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – отвечает Томас. Он одет в черные джинсы, черную футболку и куртку милитари.

– Нет, ты все понимаешь, – произносит Тереза Мейджор. Она крепко держит за руку Питера, которого одела в черный костюм и белую рубашку с галстуком на клипсе. Глаза у него заплаканные, с красными веками. Тереза выглядит измученной и бледной. – Вы же были с ним такими друзьями, когда ты был маленьким.

Томас говорит:

– Смотри, Питер, вон тетя Маргарет со своими детьми. Пойди поздоровайся с ними.

Питер грустно кивает и бредет в их сторону. Тереза смот-

рит на Томаса.

– Зачем ты это сделал?

– Потому что ему не нужно слышать то, что я собираюсь тебе сказать.

На мгновение Томасу кажется, что он сделает это – расскажет маме про тот жуткий день, день «Звездных войн». Однако вместо этого он произносит:

– Во мне никогда не было того, что отец хотел видеть в сыне.

Тереза, кажется, шокирована его словами.

– Ты говоришь что-то ужасное. Отец в тебе души не чаял.

– Да, пока не появился Питер. Питер больше похож на отца. Он любит футбол, и лазать по деревьям, и машины, и прочие мальчишечьи дела. Отец никогда не понимал меня. Никогда не принимал всерьез мои увлечения. Не интересовался наукой, не любил музыку, не читал книги. Он считал меня странным. В его глазах я был размазней. По-моему, он подозревал, что я гей.

Тереза смотрит на здание крематория.

– Даже если бы это и было так, для него ничего бы не изменилось. Он любил тебя. – Она делает паузу. – А это так?

Томас невесело смеется.

– Откуда мне знать? Мне шестнадцать. У меня не было девушки, но и парня тоже не было. Так что не беспокойся.

– Я и не беспокоюсь, – тихо произносит Тереза. – Во всяком случае, не из-за этого. Что меня тревожит, так это... это

вы с Питером. Как вы будете теперь без отца. – Она долго смотрит в чистое голубое небо. – И еще я переживаю, что будет со мной. Через пару лет ты уедешь учиться в университет. Я знаю, что это эгоистично, но мне страшно остаться одной.

– С тобой всегда будет Питер. Ему всего восемь. Так что он еще долго никуда не уедет. А к тому времени, когда и он соберется покинуть дом... что ж, кто знает. Возможно, у меня тогда уже будет семья, дети, и я буду жить с ними здесь, в Кавершаме.

Тереза улыбается, и эта первая улыбка, которую Томас видит на ее лице за последнюю неделю.

– Ты правда так думаешь?

В дверях крематория появляется викарий и делает знак Терезе. Она говорит:

– Мы готовы.

Томас берет ее за руку, и Тереза крепко ее сжимает. Она выглядит постаревшей, опустошенной и высохшей, и Томас испытывает чувство вины из-за того, что он не чувствует себя, как она, что он не чувствует... вообще ничего. В его сердце нет ни облегчения, ни печали, ни чувства утраты. Камень не свалился с его души. Потому что – как вдруг ему стало ясно – Фрэнк Мейджор не забрал свои тайны с собой в могилу, он просто передал их Томасу, возложив на него тяжкий груз своих измен.

– Спасибо, папа, – бормочет Томас.

Тереза смотрит на него и вновь слабо улыбается.

– Я знала, что между вами все-таки все наладится.

Толпа почтительно дожидается, пока Тереза, Томас и Питер не войдут гуськом, держась за руки, в крематорий; затем все остальные тоже просачиваются внутрь, слушают хвалебную речь о том, какой любовью и уважением пользовался Фрэнк Мейджор среди своих друзей, родных и близких, после чего его тело отправляется в печь с температурой 1800 градусов по Фаренгейту.

Томас начинает ненавидеть своего отца еще немного сильнее. Сейчас, в 1988-м, он должен быть здесь, а не в могиле. Он должен быть рядом с мамой, они должны были стареть вместе. А теперь ей остается лишь ждать, как дети вырастут и покинут ее. Томас знает, что для нее будет большим ударом, когда в конце лета ему придется уехать. Но так уж заведено, что всем детям приходит время покинуть родительское гнездо. И именно этого хотят для них все родители. Чтобы они добились успеха в жизни. Чтобы они были счастливы.

Тереза оборачивается и улыбается Томасу, вытирая руки кухонным полотенцем. Дождь яростно стучит в стекло, делая размытым открывающийся из окна вид на сад.

– Доброе утро, соня. Вот когда будешь в университете, там уж тебе придется вставать пораньше.

Томас кивает и заглядывает в холодильник за завтраком. Намеренно ли она так делает или нет, но его из-за этих слов захлестывает жгучее чувство вины за то, что он собирается

уехать и оставить ее одну с Питером. Лучше бы она пока не упоминала об этом.

– Что будешь делать сегодня?

– Встречаюсь с Лорой, – говорит Томас в глубь холодильника. – Может, зайду в магазин пластинок. Прогуляюсь немного.

– А когда ты собираешься уходить?

Томас высовывает голову из холодильника.

– Не знаю. Где-то в обед. А что?

– Мне нужно отвести Питера к зубному. Он сейчас на пруду с друзьями. Ты можешь сходить за ним где-то через полчаса? Я говорила ему, во сколько нужно вернуться, но он оставил свои часы на буфете.

Томас кладет два печенья «Поп-таргс» в тостер и наливает себе стакан апельсинового сока. Потом берет часы с буфета и кладет их в карман.

– Хорошо, сейчас позавтракаю и схожу за ним.

Оглядываясь впоследствии на тот момент, с такой ясностью сохранившийся в его памяти, словно в янтаре, Томас жалеет о том, что не может перенестись назад, через все эти годы, затрясти себя и закричать изо всех сил: «Иди! Иди прямо сейчас! Беги! Не медли!»

Письмо

Джеймс приходит домой первым и, толкнув плечом дверь, вскрикивает: его кость стучается о деревянное полотно, не желающее перед ним отступить. Должно быть, бабушка закрылась изнутри на защелку. Он колотит в дверь и ждет некоторое время, после чего приоткрывает большим пальцем прорезь для почты и кричит туда: «Бабушка! Это я, Джеймс! Открой дверь!»

Однако бабушка так и не появляется, и Джеймс, вздохнув, роется в сумке в поисках ключей, отпирает дверь и заходит в дом. Наверное, она спит у себя наверху или сидит в комнате отца, колдуя над радиоприемником. Однажды он застал ее за тем, как она долго и упорно крутила колесико настройки, а потом, отчаявшись, сердито шлепнула по крышке радиоприемника и сказала Джеймсу: «Поможешь мне найти, где передают про Дика Бартона?» Он понятия не имел, кто это такой.

На кухне бабушки тоже нет, и Джеймс некоторое время стоит там в раздумье. Линолеум на полу загибается по краям, и холодильник, вибрируя, издает грохочущий звук. Стены там ужасного желтого цвета, а стол шаткий и почти такой же старый, как сама бабушка. Но все равно Джеймсу нравится кухня, нравится окно, выходящее в узкий дворик, за-

валенный разным хламом – инструментами отца, досками и мешками с цементом. Возможно, именно поэтому ему так нравится кухня. Оттуда видны остатки прежней жизни, напоминающие об отце.

Сегодня его опять задирали школьная банда, когда он разговаривал с друзьями на перемене, но потом... Джеймс вытаскивает из своей сумки конверт и разглаживает письмо на столике. Ему не терпится рассказать обо всем Элли. Он открывает холодильник и заглядывает внутрь, ощущая себя словно в трансе. Нет, он не сможет дождаться ужина. Ему попадается на глаза наполовину полная банка фасоли, затянутая пищевой пленкой, и кусок сыра. Джеймс шлепает сыр на тарелку, вываливает сверху фасоль и ставит разогреваться, а сам тем временем усаживается за стол и перечитывает письмо снова и снова, пока не раздастся писк микроволновки.

Однажды, думает Джеймс, перемешивая вилкой расплавленный сыр с фасолью в желтую клейкую массу, он станет известным ученым. У него будет много денег и квартира где-нибудь в Манчестере. Или, может быть, даже в Нью-Йорке. Отец вернется домой, Элли не придется работать ночами, а Джеймс будет заботиться о них. Возможно, он напишет книгу – такую же знаменитую, как «Краткая история времени» Стивена Хокинга: Джеймс уже три раза ее читал, хотя ему пока мало что там件нятно. И конечно, у него будут брать интервью на телевидении и спрашивать, как ему уда-

лось достичь таких высот в науке, а он будет отвечать ведущему – Джонатану Россу, или Грэму Нортону, или кому-то там еще, что это было нелегко, ох как нелегко. Он ходил в хорошую школу, но его там ужасно травили, потому что он был из бедной семьи. Но потом, в один прекрасный день, его жизнь изменилась, когда он получил в школе письмо...

Джеймс снова перечитывает его. Вот оно. Вот тот день, с которого у него начнется новая жизнь. Он слышит хлопок входной двери и крик Элли:

– Привет!

– Я здесь, – говорит Джеймс, набив рот фасолью с сыром.

Элли заглядывает на кухню, высунув голову из-за двери. Лицо у нее очень усталое. Она выглядит старше своего возраста, но не в хорошем смысле – не так, как девушки, которых он видит на автобусной остановке – в подвернутых юбках и с толстым слоем макияжа на лицах. Они стараются казаться двадцатилетними, а Элли просто выглядит так, как будто не спит ночами. Похоже, это и в самом деле так. Она работает в бургерной, в сварочной мастерской и в польском магазине. Джеймс не представляет, как она успевает делать домашние задания и делает ли она их вообще. Но ничего, теперь все будет в порядке; он станет известным ученым и всех их спасет.

– Где бабушка? – Элли смотрит на стоящую перед Джеймсом тарелку с месивом. – Это что – твой ужин?

– Я принес из школы письмо, – сообщает Джеймс. Поче-

му-то в этот момент его охватывает волнение.

– Где бабушка?

Джеймс пожимает плечами.

– Наверное, наверху. Так вот, я принес письмо.

Элли скидывает с себя куртку, бросает ее на диван и проходит на кухню.

– Надеюсь, они не требуют за что-нибудь деньги... Она спит?

Джеймс протягивает Элли письмо, она берет его и разглядывает, потирая ладонью лоб. Потом безучастно смотрит на брата:

– Что это?

– Прочитай, – говорит Джеймс. – Прочитай вслух.

Родителю/опекуну Джеймса Ормерода

Скоро состоится финал Национального научного конкурса школьников, который ежегодно проводится в выставочном центре «Олимпия» в Лондоне. Школы могут направлять на этот конкурс команды и отдельных участников после предварительного отбора в местных и региональных состязаниях.

В связи с правительственной инициативой поддержки молодых людей, по той или иной причине оказавшихся в трудной жизненной ситуации ввиду неблагоприятных социальных или экономических условий, рады Вам сообщить, что нам была предоставлена возможность непосредственно выбрать одного ученика или команду для участия в финале

конкурса.

Этот конкурс может дать не только престиж и прекрасную возможность для дальнейшего развития карьеры, но и денежное вознаграждение как для школы, так и для команды/ученика.

Поскольку Джеймс отлично проявил себя на уроках естествознания, мы рассмотрели его кандидатуру и приняли решение выдвинуть его для участия в финале Национального научного конкурса школьников, который состоится в текущем месяце.

Очевидно, у Вас возникнут некоторые вопросы по этому поводу, и мне бы хотелось пригласить Вас к нам в школу для детального обсуждения, чтобы мы могли в скором времени взяться за выполнение всех необходимых процедур для участия Джеймса в данном мероприятии.

Для него этот конкурс – замечательный шанс, и мы уверены, что ему удастся блестяще выступить. Вы можете связаться со мной через секретаря в любое время, чтобы договориться о встрече, но я настоятельно рекомендую Вам сделать это как можно скорее, поскольку до конкурса остается немного времени и Джеймс должен подготовить для этого соответствующий проект.

С уважением,

Миссис С. Бриттон, директор

– Это же просто потрясающе! – говорит Джеймс.
Элли все еще не поднимает глаз от письма.

– Э-э-э. Ну да, наверное. – Она смотрит на Джеймса таким долгим взглядом, что ему становится не по себе, затем вытаскивает из-под столика стул и садится. – Но мы и так знаем, что у тебя блестящие способности. Тебе не нужно участвовать ни в каком конкурсе, чтобы доказать это.

Джеймс чувствует, что горячие слезы уже готовы брызнуть из его глаз.

– Но я хочу участвовать!

Элли постукивает по письму тыльной стороной пальцев.

– «...молодых людей, по той или иной причине оказавшихся в трудной жизненной ситуации ввиду неблагоприятных социальных или экономических условий...». Джеймс, это же подачка из жалости. Они поступают так, чтобы выглядеть благородными, но на самом деле они считают нас отбросами общества. Но мы не отбросы общества. И мы выше всего этого. Ты выше всего этого. И ты можешь делать все сам по себе, без того, чтобы кто-нибудь гладил тебя по голове и жалел тебя.

Джеймс вскакивает, и его стул с грохотом падает на покрытый линолеумом пол.

– Но я хочу! Я хочу участвовать в конкурсе!

Лицо Элли делается суровым.

– Джеймс. Они хотят, чтобы твой родитель-слеш-опекун пришел в школу поговорить об этом. Каким образом мы сможем это устроить?

– Пусть бабушка сходит, – хмуро бормочет Джеймс. –

Ведь она наш опекун, разве не так?

– Ты хочешь, чтобы она все испортила? Чтобы ее поместили в дом престарелых? Чтобы нас разлучили и отправили в приемные семьи или в приют? – Элли оглядывается. – А где все-таки бабушка?

Элли выходит из кухни, все еще держа в руках письмо, и Джеймс следует за ней по пятам, как щенок. Они бегом поднимаются по лестнице, но бабушки в ее комнате нет. В ванной ее тоже нет. Ее нет нигде.

– Вот черт, – говорит Элли. – Она вышла из дома.

Элли, с Джеймсом за спиной, мчится обратно вниз, роется в кармане своей куртки и достает телефон. Набрав номер мобильного бабушки, она ждет некоторое время, потом сердито нажимает «отбой» и пробует снова. Элли пристально смотрит в глаза Джеймсу.

– Линия занята. Где она, черт возьми, и с кем разговаривает?

Элли ходит взад и вперед по маленькой гостиной, снова и снова набирая номер бабушки и пытаясь пнуть корзину с бельем, стоящую за диваном.

– Бабушка, – настойчиво произносит она в трубку. – Ты где? Почему твой телефон все время занят? Перезвони мне, как только это получишь.

– Может быть, она просто пошла в магазин, – предполагает Джеймс.

Элли трет рукой глаза.

– Ей вообще нельзя никуда выходить. Джеймс, если она вдруг заговорит с кем-нибудь, с кем не следует...

– Элли, так насчет конкурса...

– Джеймс. Не сейчас. Мы должны найти бабушку. Наверное, нам нужно пойти ее искать...

Раздается резкий стук в дверь. Джеймс и Элли переглядываются.

– О боже, – говори Элли. – Кто это еще?..

Джеймс собирается пойти открыть, но Элли его останавливает.

– Стой, я сама. А ты только ничего не говори, понял?

Она набирает полную грудь воздуха, закрывает на секунду глаза и в конце концов открывает дверь.

На пороге стоит бабушка, прижимающая к уху свой телефон.

– Да, да, теперь все в порядке. Я дома. Спасибо вам большое...

– Бабушка! – вскрикивает Элли. – Где ты была? И с кем это ты разговариваешь?

Бабушка торопливо заходит в дом, прижимая ладонь к груди.

– О, Элли, ты не представляешь, что со мной было. Мне пришлось выйти из дома, чтобы уладить кое-какие дела, но потом я немного заблудилась. Я не могла вспомнить, где нахожусь и как добраться домой. И мои ключи тоже куда-то делись. Но он помог мне найти дорогу.

Элли смотрит на телефон.

– Кто? Кто помог тебе найти дорогу?

– Астронавт!

Элли поворачивается к Джеймсу, и по ее искаженному лицу он видит, что она в бешенстве.

– Видишь? – произносит она сквозь зубы. – Видишь, почему она не может пойти на встречу с твоим директором? Теперь понятно, почему ты не можешь участвовать в этом тупом конкурсе?

Элли комкает письмо и швыряет его через всю комнату в мусорную корзину, стоящую возле бабушкиного кресла, а затем бросается к лестнице. Бабушка же тем временем продолжает улыбаться и повторяет:

– Это был астронавт. Это астронавт помог мне вернуться домой.

15

Это Глэдис!

Земля теперь еще дальше. До Марса остается пять миллионов миль по Гомановской траектории. Томас быстро узнал, что для полета на Марс недостаточно просто запустить корабль туда, где находится планета. К тому времени, когда корабль достигнет этой точки пространства, Марса уже там не будет. Поэтому кораблю задаются координаты, в которых Марс будет находиться – в соответствии с планом полета «Арес-1» – через двести восемнадцать дней. Так что теперь космический корабль мчится в пустоту, навстречу неизвестности. Томас не уверен, что именно он чувствует по этому поводу. Он испытывает смутное ощущение головокружения и отпадения от мира, но без того страха, какой можно испытывать, например, падая с вершины Блэкпульской башни. Впрочем, падение – это нечто весьма приятное, похожее на полет; что неприятно – так это удар о Землю. Но Томасу не предстоит никуда шлепнуться еще целых семь месяцев.

Он подплывает к иллюминатору и смотрит на незаметно удаляющуюся Землю. Томас ощущает внутри себя какую-то бесконечную пустоту, хотя он должен был бы переполняться ужасом или тоской, счастьем или волнением. Он не чувствует ничего подобного. О, иногда в его памяти всплывают залитые солнцем луга, сверкающее море, каштаны на сырой

земле под деревом, звон бутылок в электромобиле, развозящем свежее молоко, шипение иглы на виниловой пластинке, запах новой книги, прикосновение чьих-то губ к его шее – и тогда его охватывает нечто, отдаленно похожее на чувство утраты, но по большому счету он не чувствует... ничего. В голове лишь пустота, которая возникает, когда стоишь в длинной очереди в банке, сжимая в руках свои документы и бездумно дожидаясь продвижения вперед. Томас находится сейчас как будто в процессе рождения. Словно мир выносил и вскормил его в своей утробе, и теперь пришло время ему выйти наружу, преодолев семимесячный путь по родовому каналу без воздуха, – и оказаться наконец там, где ему суждено провести остаток своих дней.

Потом Томас думает: «ну и ерунда лезет мне в голову» – и берет телефон «Иридиум», сердито звонящий на приборной панели. Разумеется, это директор Бауман.

– Связи пока нет, – радостно сообщает он. – Мы ждем сегодня специалиста, которого нам должно прислать «И-Эс-Эй».

Европейское космическое агентство. Ну конечно же, бюджет проекта не потянет приглашения кого-нибудь из НАСА или русских, которые и строили этот чертов корабль.

– А вы точно положили деньги на счет телефона? – спрашивает Томас.

– Ха-ха, как смешно, – отвечает Бауман. – Я абсолютно уверен, что сегодня нам удастся привести все в полный по-

рядок. А пока мы пришлем вам по электронной почте соответствующие инструкции, чтобы вы могли осуществить проверку жилых модулей в грузовом отсеке.

– Жду с нетерпением. Кстати, сколько времени этот телефон будет в зоне покрытия?

Томас задумывается о том, не следовало ли ему упомянуть о своем случайном звонке той странной старушке, но потом решает не делать этого. Конечно же, он не имел права использовать «Иридиум» для того, чтобы пытаться позвонить своей бывшей жене, а тем более разговаривать с совершенно незнакомым человеком, оказавшимся новым владельцем телефонного номера, некогда принадлежавшего Дженет. Она сменила телефон, чтобы Томас не мог ей дозвониться?

– Максимум пару недель, – отвечает Бауман. – Но это не имеет значения, ведь очень скоро у нас снова будет нормальная связь.

От монитора доносится звук входящего сообщения.

– А это, наверное, пришли ваши инструкции. – Томас подплывает к компьютеру и щелкает пальцами по клавиатуре, чтобы вывести его из спящего режима. – О нет, я немного ошибся – это кто-то пытается продать мне «Виагру». Но, боюсь, вряд ли она могла бы мне здесь понадобиться.

Впрочем, если подумать, то и там, на Земле, она вряд ли могла бы ему пригодиться.

Бауман некоторое время хранит молчание.

– И как вам это удастся? Быть одновременно таким вздорным типом и таким шутником?

– Это особый дар. Я поделюсь с вами этим секретом как-нибудь за кружкой пива. Я дам вам знать, когда у меня на Марсе откроется паб, и вы сможете заглянуть туда, чтобы пропустить несколько кружек. Хотя, с другой стороны, – с сомнением добавляет Томас, – атмосфера там не самая подходящая...

Когда Бауман отключается, Томас за тридцать секунд пробегает глазами достаточную часть письма, чтобы принять решение игнорировать остальное. Он вытаскивает свою музыкальную библиотеку, разглядывает ее некоторое время и выбирает «Gold Mother» группы «James». Это оцифровка оригинальной записи 1990 года. Томасу не по душе то, что группа перевыпустила этот альбом годом позже, добавив в него ремикс «Come Home» и еще две песни; альбом должен переживать взлет или падение в своей изначальной концепции. Это настолько ему не по душе, что Томас сомневается, стоит ли вообще слушать этот альбом, но все же там хорошие песни и в конце концов он смягчается и нажимает кнопку воспроизведения. Затем Томас достает свой сборник кроссвордов, пристроенный теперь в кармане на липучке у приборной панели, тогда как первоначально хранившаяся там брошюра плавает где-то в воздухе. Что-то о закрытых оросительных системах. Нужно будет пролистать ее, когда корабль выйдет на орбиту Марса. Пожевывая кончик карандаша, Томас чи-

тает следующую загадку.

18 по вертикали: То, что долго бредет позади, может разрывать сердце, как гласит мудрость (7).

Он размышляет об этом, паря в горизонтальном положении по отсеку, рассеянно отталкиваясь от стен пальцами ног. Может разрывать сердце? Как гласит мудрость? Томас вздыхает, когда вновь раздается звонок телефона. Ну, и что нужно Бауману на этот раз?

– Да? – говорит он, вися вниз головой и все еще изучая кроссворд.

– Майор Том! – слышится в трубке задыхающийся, испуганный голос. – Майор Том! Это я, Глэдис!

Все будет хорошо

Ранее: «Кто победит в битве – Железный человек или Бэтмен?»

Этот вопрос занимает Джеймса и его друзей, Карла и Джейдена, которые стоят, держа руки в карманах, на игровой площадке начальной школы Святого Матфея, укрываясь от сырого, холодного ветра за альпинистской стенкой и спортивными снарядами, установленными для поддержания физической активности детей, ведущих малоподвижный образ жизни.

– Во-первых, следует признать, что подобная битва никогда не могла бы произойти, – говорит Джеймс. – Учитывая, что они обитают в совершенно разных вселенных.

– Да, да, – соглашается Джейден. – Все знают, что Железный человек из вселенной Марвел, а Бэтмен – из «Ди-Си».

– Тогда почему бы не взять, например... Железного человека и Железного патриота? – предлагает Карл.

Его отец инженер, и Карл говорит, что он сделает ему костюм как у Железного человека. Джейден, чей отец юрист, возражает, что это будет нарушение авторского права и на него за это подадут в суд. Джеймс, чей отец строитель, пребывающий в настоящее время в казенном доме, не поддерживает этот разговор, но пытается вернуть его в прежнее

русло.

– В этом нет никакого смысла, потому что оба костюма были разработаны Тони Старком. Железный человек против Бэтмена – это куда интереснее, потому что они оба люди без суперспособностей, но их сила – в использовании технологий для борьбы со злом.

Никто из ребят не замечает, что они не одни, пока не раздаются смешки и из-за деревянной альпинистской стенки не появляются четверо мальчишек. У Джеймса замирает сердце. Это Оскар Шеррингтон.

– Как дела, Стиг со свалки? – спрашивает он, кивая в сторону Джеймса.

– Ты это о чем? – спрашивает один из мальчишек.

– Был такой сериал, который моя мама смотрела в детстве. Про пещерного человека, который живет на свалке. Прямо как наш Ормерод.

– Смотрите, он отстирал свою рубашку, – говорит еще один.

Оскар Шеррингтон, самый высокий и задиристый из всех десятилетних мальчишек в школе Святого Матфея, уже обладатель прыщей на подбородке, засовывает руку в карман своего пиджака.

– Отлично. Чистый холст. Что бы такое на нем написать сегодня?

Джеймса в буквальном смысле спасает звонок и крики воспитателей, зовущих всех на урок.

Оскар убирает маркер обратно в карман.

– Ладно, пожалуй, в другой раз.

Карл и Джейден смотрят себе под ноги, стараясь казаться невидимыми. Джеймс спрашивает:

– Почему ты цепляешься только ко мне? Почему других не трогаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.